



И всё ещё впереди...

повесть-хроника

Сергей ЩУКОВСКИЙ

*г. Беломорск,
Карелия*

1

Севка был провинциалом. Он родился и вырос в маленьком городке на берегу моря и часто сравнивал себя с героями Катаева. Правда, детство Петьки и Гаврика прошло у Чёрного моря, а Севка видел в окно своей квартиры седую гладь Белого. Да и в другом они были не схожи: их разделяло не просто время, а эпоха. И, может, в современности, на первый взгляд, героического пафоса поменьше, но, как говорится, времена не выбирают...

Обострённое чувство справедливости, как считал сам Севка, у него было всегда. Правда, иногда оно давало сбой, и тогда Севка упёрто стоял на своём, хотя понимал, что не прав. Тут уже самолюбие не позволяло сделать попятный шаг. Этот детский максимализм со временем стал превращаться в некое разумное восприятие жизни. Хотя неумение «не высовываться» нередко подводило Севку.

Активность его во дворе проявлялась в том, что он участвовал во всех не поощряемых родителями играх. Классические «ляпа», «прятки», «кислый круг» и «двенадцать палочек» были очень скоро признаны «девчоночьими», и к ним пропал интерес. Мальчишек со двора больше завлекали сражения на деревянных мечах, саблях и шпагах. Всё зависело от того, какой фильм шёл в кинотеатре. После польского «Потопа» и «Пана Володыёвского» быстро распределили роли. Конечно же, все хотели быть Кмищичами или Володыёвскими, но на всех героических персонажей не хватало. Севку назначили полковником Куклиновским, он обиделся и, немного помахав самодельной саблей с шикарным эфесом, сплетённым из алюминиевой проволо-

ки, вышел из игры. Проще было с мушкетерами и рыцарями эпохи короля Ричарда Львиное Сердце. Гвардейцами кардинала или сарацинами объявлялись мальчишки из соседнего двора, и начинались нешуточные баталии с ранеными и убитыми. И если «убитыми» считались условно, то раненые были вполне настоящие: шишки, синяки, ссадины постоянно сопровождали стычки «королевских мушкетёров» с «гвардейцами кардинала» или «крестовые походы» дворовых «средневековых рыцарей».

Сражения эти часто прекращались «третьей силой», в роли которой выступали либо соседки-пенсионерки, чей отдых на дворовых лавочках нарушался орущей, вооружённой до зубов толпой, либо родителями, разгонявшими незадачливых рыцарей по домам с последующим домашним арестом и запретом на всяческую милитаристскую деятельность. Соседки-пенсионерки, казалось, находились во дворе постоянно. Они облюбовали единственную лавочку около сарая и уже этим мешали героическим сражениям, поскольку двухэтажный сарай во дворе являлся то средневековым замком, то фортом, который надо было защищать от индейцев, то какими-нибудь дегрями Амазонки, где надо было найти сокровища и где на каждом шагу подстерегали смертельные опасности. «Дети солнца», как называл пенсионерок старший брат Севки, вторгались в игру неожиданно. Они обращали в бегство «ковбоев» и «индейцев», «красных» и «белых» и прочие антагонистические исторические пары.

В школе Севка был не из тех, кого можно назвать отличником. Даже на хорошиста, к которым его причисляли, он тянул, признаваясь, с трудом. Упорное неприятие математики и обожание литературы привело к обычному школьному парадоксу: учительница литературы была в восторге от его сочинений и неизменно ставила ему пятёрки, а математички (они достаточно часто менялись) считали его безнадёжным троечником. Севка был более чем согласен с ними, он вообще считал, что три по математике для него это даже много. Но в школу ходить любил. Ему нравились бурная общественная жизнь, коллективные дела,

комсомольские мероприятия — они притягивали его своей очевидной пользой и необходимостью. Он ощущал себя частью огромного механизма, работающего на благо всех, и верил, что это обязательно будет замечено и всем воздастся по заслугам.

А ещё Севка писал стихи, рассказы, повести и романы. Правда, ни одна повесть и роман так и не были окончены — не хватало терпения. Фантазия убегала вперёд, тут же появлялась новая идея, а прежняя становилась неинтересной и скучной. Рассказы получались всё больше фантастические, порой даже оригинальные, с выдумкой, а чаще написанные под влиянием только что прочитанных книг. Зато в стихах, как Севке казалось, он выражал свою богатую индивидуальность.

Творить он любил всегда: то ли это была резьба по дереву, то ли попытки рисовать, то ли участие в художественной самодеятельности. Но сочинение стихов всё же было на особом месте для него. Где-то в классе четвёртом-пятом он сочинял сказочную историю в стихах, героями её были Чёрт, Баба Яга, Змей Горыныч и прочая руссконародная нечисть. Каждый день он приносил в класс новые страницы этой, как называли одноклассники, «поэмки», и на задней парте начиналось чтение. Таким успехом в узком кругу мог похвастаться разве что Пушкин! Со временем место сказок и эпиграмм стали занимать серьёзные стихи, которые казались слушателям задних парт гениальными и «шедевральными». Последнее слово особенно полюбилось Севке. На вопрос приятелей: «Ну, что нового написал?» он отвечал несколько небрежно и непринужденно: «Нечто шедевральное». До шедевров, правда, было ещё очень далеко, но кто в этом возрасте не считал себя гением и не был уверен в своей исключительности?..

Городок, в котором Севка жил с самого рождения, примостился на небольших участках суши в дельте реки, впадающей в море, и, как всякая островная территория, изобилует самыми разнообразными мостами: большими и малыми, деревянными, железными и бетонными, большею частью уже старыми и изно-

шенными. Таким же изношенным казался и весь город, малоэтажный, полублагоустроенный, с мощенными брусчаткой дорогами, пыльными скверами, неприглядными берегами быстрой и шумной реки. Говорят, дороги мостили то ли пленные немцы, то ли зеки — строители канала.

Беломорско-Балтийский канал тут же, неподалеку, впадал в море, заканчиваясь своим двенадцатым шлюзом. Впрочем, откуда в городе могли взяться пленные немцы? Линия фронта проходила в стороне от него, и даже в годы войны город был временной столицей республики. Не специально же их сюда завозили! Но всё может быть: лагерное прошлое этих мест широкой огласке не предавалось, хотя и не замалчивалось. А вот о строительстве канала говорилось многое, но и многого Севка не знал. От кого-то из взрослых услышал, что канал построен на костях. Чьи кости и зачем надо было строить на них канал? Это уже потом, со временем, он стал понимать смысл страшных слов. К этому добавилась и семейная история про деда, который был расстрелян в тридцать седьмом году. Спорили, кто виноват: Сталин ли, Берия, Ежов или Ягода. А может, все вместе взятые?.. Но выражение «37-й год» для домашних навсегда приобрело некое зловещее символическое значение.

Время летит быстро. И город у Белого моря жил своей обыденной жизнью. Такой же, что и вся огромная советская страна. Боролись за выполнение плана пятилетки, отмечали трудовыми успехами съезды партии, юбилеи Великого Октября, дни рождения Ленина и Первомай.

Севка любил первомайские демонстрации. В детстве ожидание праздника было особенным, даже более радостным, чем сам праздник. С наступлением весны на улицах города начинали подрезать тополя, и обрезанные ветки долго лежали вдоль дорог в большом количестве, пока нерасторопные коммунальщики, опять же в преддверии праздника, не начинали приводить город в порядок. Когда с родителями, а когда и с друзьями Севка собирал букет из тополиных веток и ставил дома в вазу или большую стеклянную банку с водой. К

Первому мая на них появлялись зелёные клейкие листочки, заполняющие смолистым весенним ароматом комнату. А потом к веточкам привязывались цветные воздушные шары — первые для детей того времени атрибуты праздника. С этими же шарами были связаны и первые обиды, когда на демонстрации какой-нибудь мальчишка, пробегая мимо, протыкал их иголкой. Не жалко было шаров, их всё равно на обратном пути отпускали с моста, и они садились в реку, которая несла их дальше, в море, как тогда казалось, к неведомым берегам, а на самом деле их прибывало к берегу где-то недалеко у молдов. Жалко было себя, потому что кто-то вот так просто лишил тебя частички праздника, а ты даже не разглядел толком обидчика...

С утра в доме царил праздничное первомайское настроение. Играла музыка: по радио и телевизору вели репортажи с Красной площади. Севка с родителями и братом собирался на демонстрацию. Завтракали. Отец в честь праздника выпивал стопку водки — больше нельзя, ему надо было нести заводское знамя или транспарант — он уходил раньше всех на формирование колонны. Мама, отправив Севку с братом в школу, где собиралась своя колонна, тоже шла на предприятие. Возле школы Севке вручали флаг или портрет какого-нибудь члена Политбюро. Его друг Егор, как самый высокий, постоянно был знаменосцем. Смеющиеся девчонки-одноклассницы с разноцветными шариками довершали праздничную картину первого майского дня. Шествие сопровождалось шутками и смехом. Но самое интересное начиналось, когда приближалась заводская колонна. Лесопильщики всегда шли с оркестром: медные трубы горели на солнце, звучал какой-то марш, барабанщик в своём вечном сером пиджаке с орденскими планками выбивал ритм в большой барабан. Было громко и здорово, хотя исполнение было ещё то... Севке тогда казалось, что барабанщик всегда стучит одно и то же, будь то праздник или похороны.

Конечно же, праздничные речи с трибуны мало интересовали мальчишек. В это время они, пристроив куда-нибудь на время флаги,

знамена и членов Политбюро, протискивались через толпу и гуляли по площади, выискивая знакомых и друзей: на праздники приезжали студенты. Где как не на демонстрации можно было встретить старых приятелей! Но больше всего ребятам нравилось проходить в колонне мимо трибун, когда ведущий митинга выкрикивал лозунги и все кричали «ура!». Лозунги, как потом узнал Севка, были утверждены и напечатаны в газете «Правда». Но на местных демонстрациях звучало всё по-другому: «Слава беломорским лесопильщикам! Ура!», «Слава педагогам и учащимся школы №1! Ура!» Толпа вторила громовым «ура!». Всё это роднило, горожане сливались в радостном порыве.

А потом дома собирались гости: друзья родителей и родственники. Праздничное застолье было шумным, с песнями и смехом...

Родители Севы работали на местном деревообрабатывающем комбинате. Сколько он помнил себя, отец, приходя на обед или ужин со второй смены, всегда приносил в дом запах свежих опилок. Он был мастером в лесопильном цехе — главном цехе предприятия. Севка со старшим братом часто бывали у него на работе, наблюдали, как гигантская пилорама втягивает в себя огромные брёвна, словно пожирая их, и выпускает пачку досок. В цехе постоянно стояли шум и тот самый аромат древесных опилок, оставшийся одним из самых ярких воспоминаний детства.

Мама Севки работала сначала мастером в цехе погрузки, откуда более чем в десять стран мира отправлялись вагоны и суда, гружённые пиломатериалами, а затем перешла в контору на должность бухгалтера — всё-таки не надо ходить по сменам, ведь в навигацию суда грузили круглосуточно. Все друзья родителей тоже работали на комбинате, с некоторыми из них отец Севки, заядлый рыбак и футболист, проводил и досуг...

2

Завершалось второе полугодие десятого класса. А вместе с ним подходила к концу и Севкина школьная пора. Конец каждого учеб-

ного года был озарён предвкушением отдыха, безделья и прочих замечательных вещей, которые может позволить себе добросовестно (ну или не совсем!) отучившийся человек. Светит солнце, так что последние школьные занятия были единственной преградой, чтобы почувствовать себя абсолютно счастливым.

И вот уже выданы дневники с оценками, сданы учебники, вот она — свобода! Впереди — лето. Можно уехать из Беломорска, где оно больше похоже на раннюю осень, в южные края. Кто-то отбывал в пионерский лагерь на тёплую Кубань, кто-то — к бабушкам-дедушкам в разные уголки огромного Советского Союза, Севка с родителями чаще всего — в Белоруссию.

Но завершение последнего учебного года не вызывало такой буйной радости. Скорее была озабоченность предстоящими экзаменами, дальнейшим поступлением, маячившей где-то на горизонте армией через год и вообще неизвестностью, которую несёт эта новая почти самостоятельная жизнь. Всё это впереди, а сегодня — последний звонок!

— Сева-а-а-а!!! Сева-а-а-а!..

С улицы в комнату влетел крик Егора. Севка выскочил на балкон. Горка стоял при параде, в новом костюме с галстуком, через плечо висела кинокамера. Вообще-то, они оба увлекались фотографией: школьные вечера, девчонки, несостоявшиеся подружки, а затем — «фотографии одиночества». Этот жанр придумал Егорка, когда их одновременно постигли очередные разочарования и личные неудачи. Они снимали одинокие деревья, а лучше всего, если дерево было сухое и безобразно корявое, трубы котельных, выдохнувших последний дым, пустые скамейки и почему-то — грязные лужи. Фотографии печатали сначала в школьной мастерской, а затем — у Севки дома. Причём в зависимости от того, сколько человек принимало участие в этой процедуре, печатали либо в малой лаборатории, либо в большой. «Малой лабораторией» была ванная комната, в которой, постелив непосредственно на саму ванну мебельный щит, могли расположиться один-два человека. А когда в гости на процесс фото-

печати приходили одноклассницы, в «большую фотолабораторию» превращалась Севкина комната. В этот день мама, как правило, стряпала, и компания дружно уплетала булочки и ватрушки. С девчонками печатать фотографии было весело, но не продуктивно. Они обсуждали каждую физиономию, проявляющуюся в свете красного фонаря, особенно если это была физиономия одной из подружек Севки или Егора. Смеялись по каждому поводу, заражая весельем ребят. В итоге здоровски проводили время, испортив кучу фотобумаги и напечатав минимум фотографий...

— ...Привет! Я сейчас! — крикнул с балкона Сева.

— Спускайся! Опоздаем!

— Без нас не начнут, — неуклюже пошутил Сева, — можешь подняться!

Но подниматься Гора не захотел. Он состроил мину, по ней можно было прочитать, что ему влом ползти на четвёртый этаж, а ещё у него кинокамера, которую он взял напрокат и освивал несколько дней, и главное, что ему сказали в пункте проката: до него эту аппаратуру никто никогда не брал. Сева давно дружил с Егором и поэтому научился по его физиономии делать такие многословные выводы.

Севка быстро облачился в коричневый костюм, специально пошитый в местном ателье к окончанию школы, и выскочил во двор.

— Ну что, готов?

— К чему? — удивился Егор.

— Тебе сегодня первоклашку нести. Забыл? Смотри не урони!

Кому поручить нести первоклашку, подающую последний звонок, как не знаменосцу Егору, человеку положительному во всех отношениях.

— Не уроню, а уроню, так ничего и не случится...

— Как это? — пришёл черёд Севы удивляться.

— Ты знаешь, кто будет брэнчать колокольчиком? — Гора сделал загадочное лицо. — Машка...

— Сестра?

— Ну.

— Двойная ответственность.

— Обойдётся.

— А после линейки на четвёртый?

— Как договаривались, — кивнул Гора.

Четвёртый километр — излюбленное место школьных походов, обладающее всем комплексом романтических удобств: недалеко от города — четыре километра, удобный берег реки, замечательный лес, каменные переходы через реку на острова — не место, а мечта. Всё вокруг исхожено вдоль и поперёк, протоптаны широкие надёжные тропы, но, тем не менее, в сезон здесь легко можно набрать корзину белых, не говоря уже о красноголовиках и волнухах. А какие на островах замечательные черничники! И дальше — таинственное, почти сакральное место — Залавруга, скалы с рисунками первобытных обитателей здешних мест! Ребята настолько привыкли жить рядом с памятником мирового значения, что удивление у них вызывали скорее серьёзные взрослые люди, проводящие на Залавруге весь летний сезон в буквальном смысле на четвереньках, изучая и расшифровывая древние петроглифы.

Школа бурлила. Последний звонок — это праздник для всей школы. Радовались все. С лёгкой грустью — десятиклассники: кончается школа — кончается детство, этого жаль всегда. Радовались девятиклассники — они теперь старшие в школе, а значит, самые главные. Учителя в расчёт не берутся, ведь всем известно, что в школе заправляют старшеклассники, а учителя только делают вид, что от них что-то зависит, чтобы не потерять лицо. Радовались восьмиклассники: у них тоже что-то вроде репетиции выпуска. Хотя понимали, что большинство из них первого сентября откроет те же самые двери в классы. Радовался, наверное, директор школы: заканчивается ещё один год, причём неплохо, без ЧП.

Праздничная суета на переменах сопровождалась музыкой, ведь последние уроки уже трудно назвать уроками. Это были негласные эмоциональные взрывы: выпускники, как оказывается, любят всех учителей, всем благодарны и всех будут помнить. А у учителей никогда до этого момента не было учеников лучше, чем эти покидающие школу ребята. Но никто из них не говорил другому этих чувствительных

нежностей. Учителя — потому что они мудры и понимали, что это «сезонное обострение» всепрощающей любви что-то вроде болезни, а значит, пройдёт. Ученики же в силу своего подросткового возраста скрывали нежные чувства и пытались придать себе вид бравый и независимый. И в целом, надо признать, получалось у них неплохо.

Плакаты и стенные газеты, шарiki и флажки пестрели на школьных стенах. Но если бы в другой момент это привлекло живейшее внимание, то сегодня девчонки в белых фартуках с первоклассными бантами в хитро убранных волосах пролетали мимо в постоянной заботе о своём внешнем виде. Они, наверное, считали, что если войдут в новую жизнь такими необыкновенными красавицами, то и жизнь будет ослепительно хороша. А как же может быть иначе?..

Ребята большей частью слонялись без дела. Кто-то курил за школой, кто-то стоял рядом, травясь чужим табачным дымом, — и даже не на шухере, а открыто. Считалось, что курение в день окончания школы — это совершенно законный акт.

Сева с Егором в это время делали первые шаги в большую кинематографию. Кинокамера жужжала, они снимали всё подряд. Вот зазевался учитель физкультуры, к нему подскочила Лизка, комсорг класса, и игриво сняла с его головы шляпу. Тотчас же неизвестно откуда появившиеся Ленуся с Танюсей взяли растерявшегося педагога под руки. Сегодня позволялись такие шалости. А вот училка химии в компании девчонок сама приставила кому-то рожки. Все включаются в весёлую игру! Будет что вспомнить!

Последний звонок — мероприятие не только радостное, но и торжественное, трогательное. Вся школа выстроилась вдоль лестниц, коридоров и аплодисментами встречает выпускников. Севка шёл сквозь рукоплещущую толпу и вспоминал, как несколько лет назад он, зелёный пионер, вот так же стоял и хлопал в ладоши, а проходящий мимо выпускник, помахав рукой, вальяжно заявил: «Не надо оваций!» Парень произнёс это настолько непринуждённо, естественно, что произвёл на Севку не-

изгладимое впечатление. И вот сейчас он попытался повторить те самые слова, но осёкся — понял, что это была бы бравада. Ему нравились «овации», пусть даже по сценарию, но они создавали необходимый фон незабываемого дня, особое настроение, которое займёт своё место в памяти.

Школьный двор был полон. Глазами Севка разыскал в толпе родителей. Они стояли рядом с предками Егора. Вот так они приходили на школьный двор первого сентября почти каждый год, а сегодня последняя школьная линейка для всех: и для Севки, и для Горки, и для родителей...

Дальше были речи, благодарности и напутствия. А ещё — подарки школе и цветы учителям, много-много цветов. Были слёзы девчонок. Они всегда плачут — в подходящий и неподходящий момент. Но от этого праздник становится только значимее. У Севки на душе тоже заскребли кошки. Он проглотил комок, подступивший к горлу, и к завершению праздника был почти спокоен и невозмутим. Егорка отлично справился с ответственным делом. Его сестра Машка было заартачилась (вот вредина!), но Егорка быстро её успокоил, посадил на плечо, и она весело зазвонила в колокольчик...

Историю класса можно изучать по фотографиям: события в чёрно-белом цвете остались в бумажной памяти снимков. Последний звонок удостоили грандиозной фотосессии: от строгих коллективных фотографий до фиксации дурачеств и безудержного веселья. Учительница русского языка и литературы Карина Павловна, которую обожал Севкин класс, хотя не все любили русскую словесность, улыбалась трогательной печальной улыбкой в кругу своих вдруг повзрослевших учеников. Она давно поняла: школа — это постоянные встречи-расставания, но ничего не могла с собой поделывать и всегда искренне переживала за каждый выпуск. Карина Павловна и Селена Михайловна, классный руководитель и по совместительству англичанка, пользовались в классе непререкаемым авторитетом даже у хулиганов. Когда о Севкином клас-

се стали говорить на всех педсоветах как о худшем в школе и учителя один за другим стали отказываться работать с ним, только два эти учителя встали на защиту «человеческих детёнышей». «Мы их любим за то, что они нас не предали», — как-то сформулировала общее мнение Лизка, классный комсорг. И эта фраза стала аксиомой, связавшей класс и этих двух педагогов.

Сфотографировались даже с Муриком, Мурковским — учителем истории, человеком более чем странного характера. В нём уживалось сразу несколько «я», при этом он продолжал казаться здравомыслящим человеком. Он умудрялся влюбить в свои уроки, увлечь интересным рассказом, пообщаться на разные посторонние темы, поражая искромётным юмором, и в то же время — нажить себе массу врагов среди учеников и учителей. Порой на уроке он мог взорваться от гнева, обозвать ребят белогвардейцами (более страшного ругательства он не знал) и выгнать из кабинета весь класс. А иногда рассказывал весёлые анекдоты, иллюстрируя бессмертные страницы истории Отечества, и только к концу урока вспоминал, что существует учебник. Однажды Мурик вошёл в класс со звонком и сказал: «Сегодня мы будем говорить о тяжёлой жизни народа при царском режиме». В ожидании скучнейшего урока по классу прошла лёгкая волна недовольства — все настроились было заняться своими делами. Но Мурик мигом сделал, как говорится, ход конём, завладев вниманием учеников.

— В одном частном цирке упали доходы, — начал он, испытующе глядя на ребят. — Народ не идёт. Кризис царского правительства сказывается на доходах населения. Рабочие бастуют и голодают. Верхи не могут, а низы не хотят... В общем, революционная ситуация. И тогда хозяин цирка придумал интересный ход, они же капиталисты изворотливые и хитрые...

Мурик поставил хозяина цирка в один ряд с капиталистами. Почему? Непонятно. Наверное, потому, что тот эксплуатировал клоунов, дрессировщиков, животных и прочий цирковой люд.

— Хозяин цирка объявил: «Сегодня на предс-

тавлении Иван Дураков будет есть кал!» — выдал вдруг Мурик.

Класс напрягся. Тут уж не до своих дел! А историк продолжал:

«Народ повалил валом. Ну как же, Иван Дураков будет есть кал! Народу набилось — полный шатёр! Хозяин подсчитывал барыши. Выходит ведущий и объявляет: «А сейчас Иван Дураков будет есть кал!» Бурные аплодисменты. На арене сам Иван Дураков. Выкатывают огромную бочку дерьма. Закатал он рукава и залез руками в бочку. Что-то поискав там, он встряхнул руки и ушёл. Публика — в свист. Обещали! Давай ешь! Вышел хозяин и объявил: «Иван Дураков дерьмо есть не будет — там муха!» Ну, публика, естественно, довольна. Как же, хотел дерьмо есть, а мухой побрезговал. Вот на такие ухищрения шли капиталисты, чтобы обмануть простой народ».

Поржав минут пять, класс успокоился, и продолжение урока слушали с любопытством.

Когда отзвенел последний звонок, были соблюдены необходимые по такому случаю формальности, ребята разошлись по домам. К запланированному походу нужно подготовиться. Торопливо собирая рюкзаки, переодеваясь, уверяли родителей, что идут ненадолго, а о спиртном даже и речи не ведётся. Выступили наконец в поход дружной компанией с транзистором, гитарой, кинокамерой и не пойми откуда появившейся собакой отличной дворовой породы. Она залиvisto лаяла, подбегала то к одному, то к другому, обнюхивая ребят, пока, в конце концов, не убедилась, что её хозяйина здесь нет, и с полпути вернулась домой.

В походах каждый находит занятие по себе, но в итоге получается, что всё складывается в одно большое общее дело. Кто-то для всех собирает хворост, другой разводит костерок или бежит за водой... В тот раз повезло — огонь запылал сразу. Костёр — это настоящий символ. Без него какой же поход? Чумазый чайник и печёная в золе картошка, невесть откуда взявшееся вино (ну не всё же рассказывать родителям!). А ещё игра — тоже в «картошку» и как продолжение — песни. Юрик терзал гитару, а ребята пели:

*Кораблик детства уплывает в детство,
Белье большие трубки скошены назад.
Дайте наглядеться, на прощанье наглядеться,
Дайте мне послушаться, как они гудят...*

Эти строчки — главное откровение длинного дня последнего звонка: заканчивается школьная жизнь, детство, предстоит проститься и разбегаться кто куда. Что-то впереди...

*Что же вы остались, чудачки, остались,
Или вам не хочется с нами в детство плыть?..*

Песня кончилась, пауза затянулась. Тишину нарушила Лизка, бессменный комсорг, человек неуёмной энергии и такого же обаяния. Она перевелась в школу где-то в седьмом классе. Мальчишки все поголовно в неё влюбились, что, естественно, вызвало недовольство девчонок. Но, как это и бывает в таком возрасте, влюблённость, как и зависть с неприязнью, быстро прошла, и у Лизки с ребятами установились нормальные отношения — от дружеских до безразличных.

— Ребята, а кто куда собирается после школы?

— В армию! — хохотнул Голян.

Ему действительно после экзаменов светила повестка в армию, и он относился к этому с философским спокойствием, даже с неким ощущением своего превосходства перед остальными одноклассниками-«салагами».

— Ну, послужить мы ещё успеем, — невозмутимо и степенно сказал Егор — он собирался поступать в военное училище, и об этом знали ребята. — Вся жизнь впереди!

— Ты ещё добавь: «Есть такая профессия — защищать Родину», — сыронизировал Севка.

— Да, есть, — загорячился Егор, — а что ты имеешь против? Ты считаешь, что твоя журналистика важнее?

— «Все профессии нужны, все профессии важны», — процитировала строчку Ленуся. Она собиралась поступать на лесоинженерный факультет и стать потомственным «лесопильщиком». По большому счету, Ленуся могла выбирать: она училась хорошо, ей светил почти пятибалльный аттестат. Но Ленины ро-

дители трудились на местном лесопильном комбинате, и она сама с детства прониклась профессией. К тому же машины и механизмы лесной и деревоперерабатывающей промышленности — ведь это так интересно!

Конечно, Сева планировал поступать на журфак Ленинградского университета. Тут он был максималистом, как и Лизка, которая замахнулась на непонятный факультет психологии, да ещё в МГУ. Но журналистика сама по себе мало его привлекала. Он хотел быть писателем, понимая, что для этого неплохо было бы иметь в заглавнике ещё какую-то профессию.

Разговор о будущем не клеился. Очевидно, никому не хотелось уходить из настоящего даже в мыслях. Всё будет впереди, может, уже завтра. А сегодня — костёр, гитара, друзья, песни... Подоспела в углях картошка, вещь обязательная, даже, можно сказать, ритуальная в школьных походах. Если не перемазался золой, когда ел печёную картошку, значит, не был в походе.

Кто первым засмеялся над чумазым товарищем, теперь уже не важно. Девятимиллиметровая плёнка Горкиной кинокамеры запечатлела всеобщее безумство: измазав друг друга золой, весёлая толпа завтрашних выпускников, абитуриентов и призывников дико плясала вокруг костра, гремя мисками, кружками и ложками. Казалось, детство никак не хочет их отпускать.

Долгий день минута за минутой таял в светлых сумерках Беломорья. Карельская белая ночь — оправдание затянувшегося похода перед родителями и ещё возможность дольше быть вместе. Случится ли потом такая встреча?.. Кто знает?

3

На следующий день Севка проснулся ближе к обеду. Началось время консультаций и экзаменов. Егор должен был зайти за ним к двум часам.

«Вдох глубокий. Руки шире.
Не спешите, три-четыре.

Бодрость духа, грация и пластика», — хрипел Высоцкий из магнитофона «Снежить».

Сказать, что Высоцкий был кумиром Севки, не сказать ничего: с магнитофоном он гонялся за любой его новой записью, собирал редкие фотографии, старался не пропустить «Вертикаль» каждый раз, когда показывали в кинотеатре. Фильм он терпеть не мог, но ходил из-за песен. А вот Высоцкий в роли капитана Жеглова в нашумевшем «Месте встречи изменить нельзя» был великолепен...

На консультации по литературе Карина Павловна диктовала ответ на вопрос очередного билета «XXVI съезд КПСС о роли и задачах литературы»: «В своём докладе съезду Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев подчеркнул возрастающую роль советской литературы в формировании подрастающего поколения...» Тратить драгоценное время урока на тему, не имеющую прямого отношения к русской словесности, она не хотела, но, поскольку вопрос был экзаменационный, пришлось уделить ему время вне урока. Севка и Горка с уважением относились к «дорогому Леониду Ильичу» и, превозмогая сон, который с первыми общественно-политическими фразами навалился на них, пытались записывать дословно всё, что говорила Карина Павловна. Лизка с тоской смотрела в окно, она писала очень быстро и поэтому могла отвлечься от нудного текста, который ещё предстояло выучить.

В кабинет заглянул Мишка Уткин из параллельного класса. Он когда-то учился вместе с Севкой и Егором. Но после девятого класса администрация школы решила «разукрупнить» классы и создать дополнительный 10 «г». Кандидатов в класс «г» тут же окрестили «гэшками-говешками», и в него, естественно, никто не хотел переходить. Возникло даже некое стихийное сопротивление с жалобами, подключением родителей, различными письмами и записками, которые играли роль нот протеста. Но поскольку силы были не равны, то сопротивление учеников было сломлено сокрушительной силой педагогического совета школы, только Севку и Егора отстояли Ка-

рина Павловна с Селеной Михайловной. Педсовет пошёл навстречу их пожеланиям, к явному неудовольствию других учителей. Ни для кого не секрет, что учителя, у которых есть в школе «любимчики», более позитивны и успешны. Их лояльное отношение к своим ученикам возвращается сторицей. И, конечно же, они наживают себе недоброжелателей среди коллег.

Мишка попал в этот самый класс «г», но несколько от этого не расстроился. С Севкой они были знакомы давно, почти всю жизнь. Севка раньше жил в небольшом восьмиквартирном доме на заводской стороне. Неподалеку в своем доме жили родители Мишки. Ребята дружили с детского сада и постоянно проводили время вместе, лазая по сараям, взрывая бутылки с карбидом и пытаясь поймать чёрта, который обитал в колодце у бабы Паши. Баба Паша жила в маленьком домике с дедом Платоном и собачкой Мухой. И вот в её дворе был колодец, где, по уверению самой бабы Паши, поселился чёрт. Теперь-то понятно: это была выдумка, чтобы отвести местных мальчишек, постоянно посещающих чужие огороды с далеко не дружественными визитами. Но она, наоборот, сыграла роль приманки — таинственное всегда притягивает. Всем хотелось поймать чёрта! Тем более баба Паша сама как-то невзначай рассказала, как это сделать. «Вот наступит весна, — говорила она ребятам, — надену я фуфайку, возьму ухват и пойду ловить чёрта в колодце». Теперь мальчишки твёрдо знали: для поимки чёрта необходима фуфайка, наверное, чтобы не покусал, и ухват, который будет служить и удочкой, и капканом одновременно. Вот только что дальше делать с уже выловленным чёртом — никто не знал. Да так и не узнал. Конечно же, никто его не видел, а вот крапивой по голым ногам от деда Платона схлопотал не один мальчишка. Так охота на чёрта в детстве и сдружила Севку с Мишкой. Они и теперь общаются, но уже реже, хотя так же доверительно, как будто их объединяет общая тайна.

Мишка заглянул в класс и крикнул:

— За кочегаркой — махач!

Класс оживился. Наконец-то свежая струя

жизни ворвалась в навевающие тоску решения XXVI съезда любимой партии.

— Кто с кем? — тут же откликнулся кто-то из ребят.

— Наш Петруха с новеньким рыжим из девятого!

— Из-за Таньки?

Карина Павловна осуждающе покачала головой. А Мишкина физиономия по-прежнему маячила в дверном проёме:

— Ага! Вчера увидел, как тот её провожал.

— Влетит рыжему! — раздался мальчишечий басок с задней парты.

— Это как посмотреть. Рыжий-то вроде накачанный... — ответили ему.

— Да Петруха по-любому его уделает!

Карина Павловна с трудом успокоила класс и объявила перерыв. Все кинулись за школьную кочегарку, где бушевали далеко не книжные страсти: реальные кулаки разбивали реальные носы, струилась настоящая кровь. Выяснение отношений за кочегаркой такая же давняя традиция, как и курение в школьном туалете. И то, и другое наказуемо и категорически запрещено, и то, и другое завлекает не только непосредственных участников, но и зрителей. Конечно же, драка — зрелище, это «гладиаторские бои» по всем правилам мальчишеского кодекса чести: только один на один и до первой крови. Но торчать некурящему в маленьком помещении школьного туалета, где можно «вешать топор», — всю «прелесть» понимали только самые отчаянные головы, это называлось «курить по-цыгански». Ты не куришь, а от тебя несёт как от заядлого курильщика, что в свою очередь влечет за собой массу неприятностей: от замечаний в дневнике «курил в туалете» (никто ведь разбираться не будет) до публичных обвинений на родительских собраниях и крутых разборок дома. Сева с Егором не курили и даже не пробовали. Да и в мужском туалете тоже не стояли — не вдыхали табачный дым.

За кочегаркой толпа визжала и улюлюкала. Мальчишки и несколько девчонок разделились на две группы, поддерживающие разных участников этого локального конфликта. Пет-

руха был в фаворе, за него выступали старшеклассники и большинство девчонок. Очевидно, он, как сторона пострадавшая, заслужил такое повышенное внимание. Новичок, по определению, не котировался. Пришлый, не «наш», да ещё и «наших девок отбивает». Но тем не менее присутствия духа он не потерял и крепко держал удар.

— Петя, дай ему! — кричали одноклассники Петрухе, и они же подбадривали новичка: — Рыжий, не дрейфы!

Весь парадокс таких стычек заключался в том, что процесс был важнее результата. Если Петруха получит по сопатке, то он останется таким же героем. А если будет побит новичок, тоже ничего — молодец, не испугался.

Драку успели прекратить до того, как прибежали учителя: Карина Павловна донесла известие о конфликте за кочегаркой до учительской. Кровь текла из разбитого носа Петрухи. Как бы ни было обидно и досадно, но новичок, да ещё и малолетка (младше на целый год!), победил. Дальнейшая запись руководящих решений партии сопровождалась обсуждением произошедшего: что будет делать Танька — останется ли с Петрухой или переметнётся к победителю. Сошлись во мнении, что Танька — девка ветренная и от неё что угодно можно ожидать. Девчонки уверяли, что «один раз провожал» — не считается. «У них всё не как у людей, — подумал Севка, а вслух сказал: — Не фиг хвостом крутить. Петруха сам теперь от неё откажется!» На что Лизка со свойственной ей уверенностью и абсолютным превосходством в знании сердечных дел заявила:

— Никуда он не денется. Сам будет хвостом плестись.

— Да ну вас. Дуры вы все, — подвёл итог Егор.

На том обсуждение и закончилось. Никто ни на кого не обиделся, домой возвращались все вместе и по пути решили зайти в кино, чтобы проветрить мозги.

В городском кинотеатре шёл фильм «Чужие письма». Смотреть было всё равно что, тем более выбора не было. Полтора часа драматических перипетий пролетели. Восторгов они не вызвали, впрочем, отвращения тоже. Обычно ребята подолгу обсуждали просмотренные

фильмы, спорили до хрипоты. Конечно же, если фильм, что называется, задевал за живое. Здесь же хватало и нравочений, и проявлений характера, но обсуждать это не хотелось. Общее мнение выразил Егор, сказав, что «училка Вера Ивановна — интеллигентная размазня, а Зинка — малолетняя стерва».

Дома Севка занялся внедрением технических средств в процесс подготовки к экзаменам. Он выбрал полузаписанную магнитофонную бобину, переключил магнитофон на минимальную скорость «4» и стал диктовать ответы на билеты по литературе. Он был убеждён, что постоянное звучание текста приведёт к неременному запоминанию.

Сначала Севка думал, что записывать на магнитофон свой голос — занятие увлекательное, но в процессе выяснилось, что нет ничего отвратительнее. Самым подлым образом вдруг стали проявляться все дефекты дикции, во рту пересыхало, а при прослушивании голос казался чужим и неприятным. Промучившись с ответами на четыре билета, Севка забросил это занятие и пошёл в гараж к Егору. То, что Горка там, не было никакого сомнения. Гараж давно превратился в своеобразный мальчишеский клуб, где можно было без опеки взрослых спокойно пообщаться.

4

Отец Егора пару лет назад купил мотоцикл с коляской «Иж — Юпитер». Это было значительным событием в небольшой жизни Егора и его друга Севки. В их окружении мало у кого были мотоциклы, не говоря уже о машинах. Егор быстро выучился управлять техникой и иногда при необходимости мог «подбросить, если по пути». Как правило, «по пути» было всегда. Просто в этом выражении был особый форс. Егор пытался обучить Севку премудростям вождения мотоцикла, но витающий в облаках поэт был явно не приспособлен к технике. Попытки заканчивались у стены гаража, куда Севка несколько раз врезался, путая газ с тормозом. После таких уроков они на пару выпрямляли передние амортизаторы. С тех

пор и повелась привычка собираться у Горки в гараже, трепаться о всякой всячине, делиться личными переживаниями, обсуждать последние Севкины стихи. А делиться было чем: шла пора увлечений, влюблённостей и безумств. Сначала, в седьмом классе, они были влюблены в Лизку. Ходили за ней следом, таскали по очереди портфель, дарили конфеты и всякие безделушки, приглашали в кино. В общем, совершали полный набор действий, необходимых для того, чтобы предмет страсти обратил внимание. Лизка принимала все эти ухаживания снисходительно, как должное. В то время им казалось, что эта офицерская дочка чересчур заносчива и много из себя воображает. Но это только подогревало азарт. Впрочем, Лизка никого не выделяла из своих поклонников. Далее Егор предложил сменить тактику. «Надо действовать по-другому, — сказал он, — хватит таскаться за ней хвостом». И друзья из романтических Ромео превратились в почти дворовую шпану: стали дёргать Лизку за косы, подшучивать и подтрунивать над ней, куда-то делась галантность, но и это не дало того результата, на который они рассчитывали. Постепенно эта первая почти детская влюблённость перетекла в дружбу. Лизка стала, что называется, своим парнем, и друзья зауважали её по-настоящему.

Но самое главное, как им казалось, случилось летом, перед десятым классом. Егор был в трудовом лагере на Кубани и там влюбился. Встреча друзей после каникул началась с рассказов и переживаний Горки. Любовь, как и положено в этом возрасте, была безответная. Страдания — самые настоящие: Егор даже начал писать стихи, и Севка ревностно заметил, что вполне неплохие. Фотографии «новой девушки Егора», как стали её называть друзья, печатались в невообразимых количествах. Она — на пляже. Она — с цветами, с огурцами, с помидорами, с виноградом. Она — зимой, летом, весной, осенью и так до бесконечности. Девчонка жила не так далеко, в районе, и поэтому по выходным Егор мотался к ней из Беломорска на своём верном «Иж-Юпитере», но и это не помогло: количество стихов и фотографий не уменьшалось.

После новогодних праздников в фотокол-

лекции друзей появилась новая фигура, которую нарекли «новой девушкой Севы». Она жила неподалеку, училась в той же школе, только на два года младше, тоже, как Сева, была активной и даже имела массу поклонников. Имя было просто волшебным — Алиса, хотя Лизка не находила в этом ничего необычного, тем более волшебного: «Зовут как лису». Она вообще скептически относилась к новым увлечениям друзей, говорила: «Было бы из-за кого убиваться!» Конечно, если рассматривать её, Лизку, как того, по ком можно страдать, то это, бесспорно, стоящая кандидатура. Она — другое дело. А тут какие-то девчухи: одна — селянка, другая — малолетка. Сева с Горкой понимали, что в ней говорит задетое самолюбие и чувство, похожее на ревность. Впрочем, Лизка достаточно быстро смирилась с новыми увлечениями друзей и даже стала давать им дружеские советы. Она ведь считала себя абсолютным знатоком в сердечных делах.

Севку с Алисой свела общественная работа: они вместе готовили общешкольный новогодний вечер. Все было как всегда, но потом Сева загрустил. Алиса с короткой стрижкой и большими белыми бантами постоянно стояла перед его глазами. Он ощущал её дыхание и запах духов, лёгкий и ненавязчивый, едва уловимый, что, казалось, достаточно малейшего движения воздуха, чтобы он исчез. Первым, с кем Сева поделился своими переживаниями, был Егор. Тот, считая себя более опытным, посоветовал «подкатить через киношку». «Позвони ей по телефону и пригласи в кино. Пойдет — значит, всё нормально. Не пойдёт — отступись», — Егор советовал действовать решительно, хотя сам собственным советам не следовал и продолжал по выходным осаждать свою сельскую неприступную крепость с помощью «железного механического друга».

Первая попытка у Севки сорвалась — в кинотеатре шла откровенная муть, и Алиса отказалась. Егор долго анализировал ситуацию и пришёл к выводу, что надо продолжать начатые действия, этот отказ ничего не значит. Во второй раз лопухнулся Сева. Алиса согласилась пойти с ним в воскресенье в кино, а Севка, выплеснув весь свой эмоциональный вос-

торг по поводу предстоящего свидания Егору и Лизке и получив от них наставления, пропустил назначенное время, увлекшись игрой школьной баскетбольной команды. Самое дурацкое в этой ситуации было то, что баскетбол Севка не любил и поболеть пришёл за компанию, а по истечении назначенного срока в зале появилась Алиса, и это была трагедия.

— Мы сейчас должны были с Алисой сидеть в кинотеатре, — прошептал он Горке. — Кошмар...

— Ты лопух, — «поддержал» товарища Егор.

— Сам знаю, что делать-то?

— Что-что... Извиняться.

— А как?

— Ты что, маленький? Подойди. Но не сейчас. По-моему, она злится.

Злится — это было мягко сказано. Алиса не злилась. Она была вне себя. Как это так, чтобы парень не явился на свидание с ней. Даже уважительная причина его не оправдывает, а тут — он просто смотрит баскетбол. Она и не подозревала, какие чувства испытывал в этот момент Сева.

— Без цветов теперь не обойтись, — поучительно продолжал Егор. — Да, и подари ей какие-нибудь стихи. Ты писал ей стихи?

— Писал, — покорно признался Сева.

— Читал?

— Нет.

— Ты дважды лопух, сказочный, невообразимый лопух!

— Сам ты лопух! Я у тебя совета спрашиваю, а ты...

— Ладно, не обижайся. Надо всё основательно обдумать...

С тех пор отношения Севки и Алисы не складывались. Она не отказывалась от общения, но держала его на расстоянии, не давала ни поводов, ни намеков, ни надежды.

Как-то под настроение он написал стихотворение:

*Был восход и роса на траве.
Утро светлое звало к тебе.
Я бежал, чуть касаясь земли.
Крылья счастья меня понесли.*

*Мне казалось, ты ждёшь на лугу.
Но поверить я в то не могу.
Видел я: собираешь цветы,
в голубые сплетаешь мечты.*

*Соловей запевал за рекой.
И был мне он такой дорогой.
Ты — в мечтах, ты — в сиянии дня.
Наконец я увижу тебя.
«Здравствуй», — только сказал.
Ты в ответ: «Нет».*

*Был закат, солнца чёрного диск.
Где веселье дневное и писк?
Где то счастье восхода, росы?
Может, всё мне приснилось? Где ты?*

*Ночь спустилась, не видно луны.
Это были счастливые сны.*

Стихи Севка всегда писал под настроение. Как-то он услышал по телевизору интервью с одним из советских классиков, где умудрённый жизненным опытом поэт, лауреат многочисленных литературных премий, рассказывал о своем творческом процессе. «Я встаю очень рано, часов в пять, — вещал классик, — прогуливаюсь по переделкинскому лесу. Завтракаю. Затем до обеда сажусь писать стихи». Эта фраза «сажусь писать стихи» жутко покорила Севку. Как будто он сел паять кастрюли или выжигать на фанерке какого-нибудь ёжика. Ёжик пришел в голову не просто так. Как-то они с Горкой выжигали его по рисунку одноклассницы. Но ёжик и стихи — вещи несовместимые. Севке для стихов необходимо было вдохновение. И потом, он никогда не знал, о чём будет писать. Всё получалось как-то само собой. Вот и сейчас он прочитал только что написанное Егору, а тот с видом знатока разобрал стихотворение, как он говорил, по «запчастям» и назвал вещи своими именами.

— Слушай, а здорово. И главное, в начале «восход», «утро светлое», «соловей запевал», а потом на контрасте выдаёшь: «солнца чёрного диск», а пение птиц вообще кажется просто писком. Здорово!

Севка засмушался и пробормотал что-то ти-

па «да ладно». Он верил, что пишет неплохие стихи, и даже где-то в глубине души считал себя гением, но в силу природной застенчивости никому об этом не говорил. И стихи-то никому, кроме Егора, не читал. Егор же в благодарность за такое доверие выдавал исключительно положительные рецензии, попутно считая себя крутым знатоком поэзии. Севка, в свою очередь, его не разочаровывал. В общем, все были довольны.

5

Сева прогулял консультацию по литературе. Ужас! Кошмар! Трагедия! Егор позволил под вечер.

— Ты где был? Карина испереживалась: «Где Сева? Где Сева?»

Егор специально подражал голосу Марины Павловны, не столько показывая её беспокойство, сколько намекая на то, что для прогула у любимчика должны быть веские причины и неплохо было бы ими поделиться с лучшим другом. Причём поделиться немедленно.

— У неё.

— У неё?!

Это было произнесено голосом, преисполненным грандиозного удивления и даже лёгкого недоверия. Егору стало сразу понятно, что Сева встречался с Алисой. С кем же ещё можно изменить литературе?

— Давай сейчас — на качелях! Расскажешь.

«На качелях» — это во дворе. Когда-то, сразу после возведения дома, работники ЖКО установили громоздкую металлическую конструкцию, на которой были смонтированы качели. В выходные дни с утра пораньше мамы и бабушки по очереди качали малышей. Днём качели оккупировали вернувшиеся из школы пяти-восьмиклассники. По вечерам старшие подростки, считавшие себя юношами, галантно раскачивали своих подруг. Впрочем, ажиотаж этот был недолгим. Качели постоянно ломались, а ремонтировали их редко. К тому же у дворовой ребятни появилась новая страсть в виде теннисного стола. Весь день до темноты, а летом, в период белых ночей, чуть ли не до ут-

ра скакал по столу теннисный шарик. Правда, встречаться «на качелях» стало традицией.

— Рассказывай! — Егор был в нетерпении.

А рассказывать-то было нечего. То есть, конечно, сам факт спонтанного свидания был замечательным, и его требовалось как-то живописать, но что рассказывать конкретно, Сева не знал. Шёл на консультацию, как всегда, думая о чём-то своём. И вдруг голос откуда-то сверху позвал его. Это была не метафора и не восторженность пылкого влюблённого. Алиса окликнула его с балкона третьего этажа. Она стояла и наслаждалась летним солнцем, таким редким в этом июне. Разговор начался с пустяков: привет, куда идёшь, как дела, чем занимаешься вообще — и такими же пустяками продолжился. Севка простоял, задрал голову, часа полтора, беседуя, что называется, ни о чём. Тема разговора была для него в данный момент не важна. Главное, преодолевая заметное волнение и гулкий стук сердца, удержать Алисино внимание на себе и продолжить эту встречу как можно дольше. Она же общалась без всякого кокетства, смеялась над его шутками и всем своим видом показывала, что спешить ей некуда и разговор можно продолжать. В какой-то момент Севка предложил ей:

— Спускайся вниз.

На что Алиса весело сказала:

— Лучше ты поднимайся.

Это было настолько неожиданно, что Сева растерялся. Он что-то невнятно пробормотал про консультацию и предстоящий экзамен, но потом спохватился и стрелой помчался в подъезд, где, перепрыгивая через две ступени, вмиг преодолел три этажа, и ещё через мгновение он был в квартире, в комнате Алисы. Обыкновенная девичья комната с письменным столом, диваном и кроватью, с куклами и подушечками. Алиса делила её с младшей сестрой. Это первое серьёзное свидание растянулось почти до вечера. Они болтали, не замечая времени. Севке было легко и непринужденно в компании Алисы. А ей, казалось, он становился всё более интересен. Они пили чай, рассматривали фотографии. Она рассказывала о своей жизни в другом городе, о друзьях. Севка был рад такому доверию и тоже рас-

сказывал о себе и своём друге Егоре. О том, что они увлекаются фотографией, о бесплодных попытках Горки научить его управлять мотоциклом, о том, что пишет стихи.

— А мне напишешь?— спросила лукаво Алиса. — Я люблю, когда мне пишут стихи.

— И что, многие писали? — насторожился Сева.

— Так напишешь? — не ответила на вопрос Алиса.

— Напишу, — он не стал говорить, что посвящениями ей исписана целая тетрадь.

В этот момент Егор прервал рассказ Севы ожидаемой репликой:

— Болван.

— Сам знаю. Но как-то не осмелился... Вот, наверное, и всё.

— И ты её не поцеловал?

— Как-то не получилось. Не было предлога, что ли.

— Я всегда говорил, что ты лопух.

— А сам? Герой-любовник! Многого добился своими мотопробегами?

— Ладно, не обижайся. Мы оба хороши. Но тебе необходимо завтра же закрепить этот успех.

— А как? — растерянно спросил Сева. — Завтра ведь сочинение пишем.

— Ерунда. Что-что, а сочинение ты напишешь в легкую. А потом — дарить цветы.

— Цветы? Какие цветы?

— Сгоняем за черёмухой. Здесь важен факт подарка, букет. А что это — розы, гвоздики, сирень, черёмуха — не важно. Здорово бы, конечно, подарить розы, но сейчас по сезону все дарят черёмуху. Тем более я знаю шикарное дерево. Сгоняем.

Ночь у Севки была бессонной то ли от предстоящего сочинения, то ли предвкушения свидания, которое должно было, по мнению Егора, закрепить его позиции и поразить Алису в самое сердце.

Сочинение было тем самым экзаменом, который Севка ждал с нетерпением. Это он любил и умел. Когда Карина Павловна задавала домашнее сочинение, он, подражая великим, писал его ночью. В доме всё затихало, а Сева

уединялся на кухне и в абсолютной тишине приступал к творческому процессу. Следуя всем правилам, он составлял план, придумывал какую-нибудь оригинальную, как ему казалось, форму и начинал. Сначала писал черновик крупным корявым почерком, который и сам-то разбирал с трудом. Так было потому, что Сева торопился: надо было успеть записать появившуюся вдруг мысль или удачную фразу, пока они «не отлетели» в сторону, а их место не заняли другие, не менее удачные. Закончив с черновиком, Сева несколько раз перечитывал написанное, исправляя неудачные места и иногда переставляя предложения и даже целые абзацы. Далее начиналась самая скучная часть творческого процесса: Сева переписывал начисто сочинение в тетрадь. Писать приходилось медленно, стараясь делать так, чтобы буквы были одинаковые и ровные, а запятые и тире стояли там, где им положено стоять. Когда всё было закончено, Сева перечитывал сочинение с явным удовольствием, находя его ещё более замечательным, чем оно было в виде черновика. Уже потом, после того как оно оценено, у Севы обычно появлялись новые мысли и идеи, которые можно было бы воплотить в той работе. Причём это не зависело от полученной оценки.

Грамотностью Севка похвастать не мог, но за содержание сочинений у него почти всегда были пятёрки. «Почти», потому что за «Образ князя Андрея» Сева получил четыре, как он считал, из-за того, что не прочитал полностью «Войну и мир». Он принимался за неё несколько раз, но всегда спотыкался на первом же длинном диалоге на французском языке, на него нападала тоска, Сева откладывал книгу в сторону. Обращаться к небольшим ссылкам и примечаниям он мог, но читать в сносках огромный текст!.. Это отвлекало и раздражало его. Сева поступил, как и большинство его одноклассников, — знакомство с бессмертно-объемным творением великого писателя ограничилось чтением отдельных страниц и просмотром художественного фильма. Фильм понравился. И впоследствии вызывал приятные воспоминания ещё тем, что на вопрос Карины Павловны, кто такой Пьер Безухов, Се-

рёга Мулин сказал: «А, это тот мужик в фуфайке, который на телеге ехал». «Мужик в фуфайке» — Пьер Безухов стал в их классе таким же приколом, как Штирлиц на балу с Наташей Ростовской.

Вторую свою четвёрку Сева получил, как он считал, «за борзость». Расписывая образ вождя мирового пролетариата по очерку Максима Горького «В.И. Ленин», он осмелился сравнить его с образом, созданным Маяковским в одноименной поэме. Сева искренне считал, что Горький больше внимания уделял Ленину — человеку, а Маяковский Ленину — вождю. Карина Павловна перед всем классом указала на его «заблуждения» и поставила четыре. Поэма Маяковского на уроке ещё не изучалась, и посему по самостоятельности, смелости мышления и самонадеянности Севы был нанесён серьёзный удар. Лизка в обязательном порядке вставила свою порцию ехидства: «Ну что, довоображал», а Егор ещё долго подшучивал над ним: «Ты совершил почти идеологическую диверсию».

...Выпускные экзамены — почти что спектакль. В кабинете тихо-тихо. Карина Павловна с торжественным видом, будто священнодействуя, открыла конверт с темами, пробежала их глазами, улыбнулась, покачала головой, что, наверно, должно было означать: «Какие замечательные темы! Как вам повезло! Как бы я хотела оказаться на вашем месте! Вы не представляете себе, какое это счастье прикоснуться к великой литературе на таком высоком уровне!» Весь этот немой монолог легко читался в её глазах. Карина Павловна, не томя класс, озвучила наконец темы экзаменационного сочинения и стала записывать их на доске.

Сева определился сразу. Он выбрал тему «Битва за хлеб» (по произведению Л.И. Брежнева «Целина»). Знаменитая трилогия генерального секретаря ЦК КПСС «Малая земля», «Целина», «Возрождение» была удостоена Ленинской премии в области литературы. Поговаривали, что книги эти писал не сам Леонид Ильич, а целая команда писателей, но Севку это мало интересовало. Правда, когда дядька Вова сказал, что Брежнев написал ещё и пес-

ню «Малая земля», Севка долго и до хрипоты с ним спорил. Не потому, что не верил в музыкальные и поэтические таланты руководителя «партии и государства», а потому, что точно знал: музыку написала Пахмутова, а слова — Добронравов.

Сочинение писалось легко, эта работа никогда не утомляла Севу. Он писал и зачёркивал, переставлял местами куски текста. Некоторые строчки безжалостно вычёркивал. Но если вдруг удавалась фраза или появлялась интересная мысль, то Сева мог изменить в сочинении многое, лишь бы удачный кусок не пропал и обрёл достойное место. Мучительный для кого-то процесс написания сочинения доставлял Севке удовольствие. Он довольно быстро справился с черновиком. Перечитал. Вроде ничего, нормально. Стал проверять ошибки. «Великий и могучий» был его проблемой. Сева опровергал известное утверждение, что тот, кто много читает, пишет грамотно. Читал он много, но ошибок делал ещё больше. Причастные и деепричастные обороты никак не давались его пониманию. А все свои неудачи в грамотном написании гласных в корнях и окончаниях он относил к отсутствию музыкального слуха. Известно же о взаимосвязи музыкального слуха с грамотностью. Хотя, впрочем, его доводы нисколько не убеждали Карину Павловну. Она по-старомодному была убеждена, что надо учить правила. Но что может быть нуднее и тоскливее этого занятия?!

Сева добросовестно перечитывал сочинение и каждый раз находил хоть одну ошибку. Ему уже стало казаться, что этот процесс нескончаем и лишён смысла. Скоро запятые будут стоять почти через каждое слово, а все «а» заменены на «о» и наоборот, такая же участь постигнет и «е» с «и». Севка прекратил это безумство и повернулся к Егору:

— Ну как?

— Всё — хоккей, — не унывал тот. Горка никогда не претендовал в сочинении на отличную оценку, но, зная себе цену, в четвёрке был уверен всегда.

— Я буду сдавать.

— Давай. Я — следом...

На солнечном школьном дворе друзья

встретились и обменялись впечатлениями. Оба были довольны собой.

— Ну что, операция «Черёмуха»? — Горке не терпелось оказать другу помощь в деле, в котором он считал себя чуть ли не профессионалом.

— Давай перекусим и минут через тридцать у гаража.

Тридцать минут пролетели как одно мгновение. На ходу проглатывая обед, Севка рассказал родителям о темах сочинения, успел уверить их, что с работой справился.

Встретившись после обеда, Егор и Сева наломали огромный букет черёмуховых веток, погрузили его в мотоциклетную коляску и направились к Алисиному дому. По пути им встретила Лизка. Пришлось затормозить и объяснить присутствие благоухающего груза в коляске. Узнав о предстоящем свидании, Лизка ехидно улыбнулась:

— И с этим венком ты попрёшься?

— Что значит «попрёшься»? — обиделся Севка.

— А то и значит. Кто же дарит такую невообразимую кучу веток?

— Он хотел поразить её, — вступился за друга Егор, — засыпать цветами.

— Засыпать цветами — это не означает «завалить прутьями», — назидательно сказала Лизка. — Давайте приведём в порядок ваш веник.

Друзья смиренно согласились. Кому как не Лизке знать, как должен выглядеть букет. Она получала их, по её словам, в огромном количестве. Даже если она и прихвастнула, то всё равно количество подаренных ей цветов не сравнить с теми, что приходилось дарить девочкам Севе и Егорке.

— Вот так будет лучше, — сказала Лизка, проведя с черёмухой некие манипуляции, а проще сказать, выбросив половину того, что ребята наломали.

— Теперь слушай меня, — Егору тоже захотелось поучаствовать в разработке плана действий, — я подъеду к самому подъезду. Окна её комнаты, ты говорил, как раз над ним. Подъеду громко — услышит. Ты соскочишь прямо на крыльцо, легко и элегантно, с букетом в руке и в один шаг исчезнешь в подъезде.

Ну а там действуй по обстоятельствам.

Сначала всё складывалось в точности с разработанным планом. Егорка лихо затормозил у самого подъезда. Алиса выглянула в окно. Сева легко соскочил с подножки мотоцикла с букетом в руках и... растянулся, непонятно за что запнувшись. Мир рухнул в одночасье. Было обидно до слёз и больно от удара коленкой о бетон. Растерянный, внезапно покрасневший от неловкости, одновременно сморщившийся от боли, Сева зашёл в подъезд. Отступить уже было некуда.

Алиса, казалось, обрадовалась букету:

— Поставим черёмуху в вазу!

Сева поздоровался с родителями и прошёл в её комнату. Про неудавшийся «шикарный выход» было забыто, и Сева с юмором, насколько это было возможно, стал рассказывать Алисиным родителям о прошедшем экзамене. А затем в гостиной они все вместе пили чай и Сева заметил ещё один букет черёмухи, большой и лохматый. «Веник, как сказала бы Лизка», — усмехнувшись, подумал он.

В этот день они опять поссорились. На сей раз из-за сухого пустяка, как считал Сева. Всем давно известно, что у каждой симпатичной девчонки есть страшенькая подруга. Она таскается с ней всегда за компанию, даёт глупые советы и отравляет жизнь всем парням, которые обращают внимание на ту, красивую. Такая неприятная девица кружилась постоянно около Алисы. Звали её Катя Толстаярова, она была грубовата в манерах, угловата в движениях, неприятна в общении. «И надо же, — думал Сева, — такой классной девчонке таскать за собой такое чучело». Он понимал, что это «чучело» было хитрой и коварной особой, но недооценивал её ум и сообразительность. А Катька плела интриги вокруг лучшей подруги, выдавая их за поступки из лучших побуждений. Она пыталась влиять на Алису в вопросах, кто подходит ей, а кто нет. И Сева в минуту откровения рассказал Алисе всё, что думает про Катьку, что это она, интриганка и дура, их постоянно ссорит. Алиса обиделась за свою подругу — ссора была неминуема.

6

Экзамены пролетели, и ничто не омрачало настроение, охватившее бывший 10«а» класс, который всю готовился к выпускному вечеру. Все удачи и экзаменационные курьёзы отошли на задний план и стали прошлым, а впоследствии они обрастут самыми невероятными подробностями и станут легендами и мифами этой школы.

Будут увлечённо рассказывать, как Петруха мучительно сдавал устный экзамен по литературе. «Сдавал» — громко сказано. Петруха «не мычал, не телился», молчал как партизан на допросе. Экзаменаторы, играя в доброго и злого следователей, пытались вытащить из него хоть что-то, но Петруха упорно молчал. Члены комиссии, не выдержав такого измывательства над русской словесностью, покинули кабинет. Один на один с Петрухой осталась стойкая Инга Ивановна, но и та уже теряла всяческое терпение и самообладание. Не добившись от «этого балбеса» ни слова о богатом художественном мире Толстого, не услышав даже, кто такой Евгений Базаров, Инга Ивановна приказала Петрухе наклонить голову. Тот покорно исполнил это несколько нелепое требование, никак не сочетавшееся с экзаменационным процессом. Инга Ивановна, схватив рукой за светлые пакли волос, гулко три раза стукнула его лбом об ученический стол, вбивая то ли знания, то ли мстят за поруганную русскую литературу, которая никак не давалась Петрухе: «Иди, три». Для Петрухи это был момент полного счастья. Для Инги Ивановны — момент разочарования в благородном учительском труде. Для школы — избавление ещё от одного двоечника. Дальше разберётся жизнь.

Сеvu застучали за попыткой списать на истории. Причём застучали по шороху в кармане, когда он искал шпаргалку, но так и не сумел ею воспользоваться. Незадолго до экзамена они с Егором разработали целую систему их использования. Шпоры были классические, маленькие, исписанные бисерным почерком. Располагались они в кармане в строгом порядке по номеру билета. Слепую отсчитав нужный номер, сдающий экзамен должен был вытащить

нужный ответ. Проведённые тренировки дали отличные результаты. Метод работал безупречно. Но на экзамене вместо ответа на двенадцатый билет вытаскивался то одиннадцатый, то тринадцатый. Шпаргалки предательски шурушали в кармане, но шелест в тишине класса превращался почти в гром, который, впрочем, не преминул разразиться. Предусмотрительный Мурик перед ответом Севы вышел из класса и встретил его только в коридоре. Попытка списывания при отличном ответе дала только четвёрку. Севу ещё пристыдили: «На комсомольских собраниях говорим высокие слова, а тут...» А что тут? Метод сработал, только в другом. Пока Севка писал шпаргалки, он запомнил все даты и решения различных съездов и свершения пятилеток.

Мурик, узнав о четвёрке, сказал с явным сожалением: «Эх, жаль, меня там не было. Было бы пять». Сева махнул рукой и оставил осторожного Мурика, как он посчитал, один на один со своей совестью.

Егор, блестяще отвечая на химии по теме «Спирты», приводил примеры совершенно головокругительных формул и абсолютно экзотических названий, вроде «пропаргиловый спирт». Члены комиссии смотрели на него влюблёнными глазами. И только одна «химуля», Тамара Александровна, знала истинную цену этого рвения. Накануне экзамена у Егора с «химулей» случился спор. Горка, что называется, с пеной у рта доказывал, что он знает химию на четыре. «Химуля» выказывала некоторые сомнения в этом, но сопротивлялась не очень активно. Порешили: если Егор сдает экзамен на пять, то в аттестате будет красоваться четвёрка. Егор зубрил, готовил шпаргалки — прилагал максимум усилий для сдачи экзамена. Но и «химуля» была не промах. В нужный момент грядущего триумфа Горки она задала ему дополнительный вопрос: «А теперь расскажи об альдегидах». «А что это такое?» — неожиданно растерялся Егор. «Я же говорила, что ты не знаешь химию на четыре», — торжество «химули» было полным.

Так или иначе, но все уже позади. Получены заслуженные оценки. Куплены, сшиты, добыты по большому благу костюмы, платья, туф-

ли. Родители растворились в предпраздничной суете выпускного вечера. В головах выпускников происходило что-то не совсем им понятное и не до конца осмысленное. По вечерам они собирались на дворовой площадке играть в «картошку», и разговор перескакивал с одного на другое. У Лизки было две темы для разговора: предстоящее обучение в МГУ (и не меньше!) и шикарный материал на платье для выпускного вечера, который ей достали где-то очень далеко по очень большому благу. Она чуть ли не визжала от восторга, рассказывая об этой «сногшибательной» мануфактуре. А однажды показала её Севке и Егору:

— Смотрите, какая ручная вышивка! Какое будет платье! Ведь правда хороший материал! — трещала Лизка.

На что Егор просто ухмыльнулся, а язвительный в таких случаях Севка сказал:

— Да, похоже на занавески.

Лизка смертельно обиделась, заявив:

— Вот поэтому ты и пошил костюм коричневого цвета. Какой сам, такой и костюм.

Костюм у Севки был действительно коричневым, поскольку из всего разнообразия тканей в местном ателье та была самая приличная. Но это его не смущало. Правда, ехидные уколы Лизки порой задевали, и он отвечал ей, что называется, «око за око». Невозмутимый и рассудительный Егор в этих случаях всегда выступал третейским судьей и пытался примирить друзей.

Севку тоже беспокоило предстоящее поступление. Подать документы на журфак ЛГУ — это ещё полдела. Необходимо было предоставить три газетные публикации и пройти творческий конкурс. Ну, за творческий конкурс Севка как-то не особо беспокоился. А вот в газету он не писал, публикации же сами собой не появятся. Как всегда, выручил Егор.

— У Лизки соседка работает в редакции. Она переговорит, напечатают. А ты пиши.

— А что писать? — растерялся Севка.

— Как все газеты, о жизни, — с умным и важным видом произнёс Егор. В таких ситуациях он умел быть убедительным.

— Пройдёт выпускной, займёмся твоими публикациями.

Выпускной шумел до утра. Все началось с торжественного вручения аттестатов, грамот и памятных подарков. Директор школы Герман Германович Германов жал каждому выпускнику руку и что-то говорил. Из зала было видно, как шевелятся его толстые губы, но звуки не долетали.

— Ну что, Сева, знаю, что ты собираешься поступать на факультет журналистики. Думаю, у тебя это получится. Но надо быть собраннее, — Герман Германович жал Севину руку и про-являл, казалось, совершенно искреннее участие в его судьбе. — Удачи тебе. Поздравляю.

У Германа Германовича было три формы общения с учениками. «Сева» — он говорил, когда был в хорошем настроении и показывал своё доброе расположение к ученику. «Всеволод» — означало: «Ты не оправдываешь моё доверие. Я тобой недоволен». А если Герман Германович обращался по фамилии, да ещё тихим деревянным голосом, то это означало крайнюю степень неприятия собеседника, раздражения и ещё бог весть что. Сегодня директор всех называл по имени, сегодня были прощены самые заядлые хулиганы и даже состоящим на учете правонарушителям были «выписаны индульгенции».

Потом пили шампанское. Пили совершенно официально в школе, вместе с учителями и родителями. Ребята подозревали, что учителя и родители продолжили этот вечер более крепкими напитками, но это уже мало их волновало. Были игры и танцы. Одноклассницы преобразились в совершенно неузнаваемых красавиц. Строгие костюмы и галстуки превратили ребят из пацанов в молодых людей. Они галантно приглашали танцевать учителей. Карина Павловна изящно вальсировала со своими повзрослевшими учениками. Лизка в своём платье с ручной вышивкой было просто неотразима. Севка признал, что он был неправ в своей язвительности. Они сделали несколько снимков на память: Лизка и Севка, Лизка с Егором, а затем — втроем, вместе с Кариной Павловной. Потом Лизка в шутку выдавала эти фотки за свадебные, не уточняя, правда, кто из двух молодых людей, присутствующих на фотографиях, всё-таки жених.

Утро застало бывший 10«а» на ступеньках кинотеатра. Пели песни, которые сопровождали их всю школьную жизнь. Девчонки кутались в пиджаки ребят, спасаясь от утренней прохлады. Все были счастливы — наступало утро новой жизни. Оно ещё только показало первый солнечный луч! Ещё только приближалось к городу...

— Ребята, а пойдёмте на мост встречать рассвет! — крикнула Лизка.

Солнце освещало море, которое начиналось сразу за береговой чертой города. Внизу шумела порожистая река. Где-то в берегу бились прибитые волной цветные воздушные шары. «Как в детстве на Первое мая», — подумал Севка. Он вспомнил, как отпускал свои шары в бурное течение реки, когда с родителями возвращался с демонстрации. Их уносило в море или прибывало к каменистым берегам. И какое-то щемящее чувство жалости и тоски ко всему уходящему овладело им. К школе, учителям, друзьям, к городу, который надо будет покинуть, к родителям, с которыми придётся тоже расставаться на время учёбы. «Это твоё детство прощается с тобой», — промелькнула в голове очень знакомая строчка из песни.

А навстречу им с другой стороны по мосту шёл уже совершенно весёлый Петруха в обнимку со своим другом из параллельного класса Гариком. Они размахивали початыми бутылками портвейна и что-то пели.

— Ребята! — закричал Гарик, увидев одноклассников. — Давайте выпьем!

Видя, что никто не разделяет их жгучего желания, Петруха немного обиделся за себя и за друга:

— Пойдём, Гарик. Нам больше достанется.

И парочка удалилась.

— Как здорово встречать рассветы, — сказал вдруг Севка.

— Вот тебе и название для твоего первого газетного материала, — подхватил Егор, — придёшь домой и, пока на эмоциях, напиши. Потом исправишь, если что. Давай, а вечером в гараже обсудим...

У Севки наступила сумасшедшая пора. Первый его газетный материал «Как здорово встречать рассветы!» в местной редакции был принят весьма благосклонно и почти без правки (за исключением грамматики, конечно) появился на страницах районной газеты. «Многие выдающиеся писатели начинали с газетных публикаций, — самонадеянно мечтал Севка, — «Двенадцать стульев» Ильф и Петров вообще печатали в газете. А где появились первые стихи Евтушенко?» Не делая различий между газетами местными и центральными в стартовых позициях, он уже определил свой путь от репортера районки до «большого писателя», нисколько не сомневаясь, что у него всё получится, Сева уже видел себя на первых ролях в местной газете, энергичным репортёром, которому поручают самые ответственные и сложные редакционные задания.

Но поскольку в приёмную комиссию журфака необходимо было представить не менее трёх публикаций, мысленно Сева был готов выполнить любое задание редакции. Для начала заместитель редактора, личность легендарная уже тем, что никто не помнил, когда он начал работать в этой газете, отправил его в музей лесопильного комбината, сопровождая задание словами: «Что-то мы давно не писали ничего краеведческого. Вот ты и расскажешь о славном прошлом наших лесопильщиков». Была ли в его словах ирония или какой-то особый подтекст, Севка не понял. Но он добросовестно провёл целый день в музее комбината, старательно рассматривая стенды и переписывая фактический материал будущего грандиозного очерка. Вечер и ночь прошли в творческих муках, и к утру, как ему казалось, блестящее произведение газетного искусства было готово. Вот только с названием никак не получалось. Почти все стихи у Севки были без названия. В школе на уроках литературы темы и названия сочинений задавала Карина Павловна. А здесь надо было придумать что-то такое, что сразу бы привлекло внимание читателя. Но сногсшибательный заголовок никак не лез в голову. И Севка сдал материал без заголовка.

Легендарный замредактора передал его какому-то сотруднику, сказав при этом: «Помоги сделать заголовок». Сотрудник привычно пробежал глазами текст, отмечая строчки карандашом, и написал сверху «В заводском музее»: «А текст мы подработаем». Сева был крайне разочарован. Но разочарован не в своих литературных способностях, а в том, как примитивно разрешилась проблема с названием. Ни тебе творческих мук, ни попыток выбрать из нескольких вариантов наиболее удачный. Вот так просто и незатейливо, первое, что пришло в голову или, как говорится, что было на поверхности.

— Думаю, что материалы у тебя должны быть разных жанров, — задумчиво молвил легендарный замредактора Севке, ждущему очередное задание, — у нас на первой полосе есть рубрика «Репортаж дня». Напишешь?

Севка сглотнул слюну и молча кивнул головой. Это было победой. Его признали! В его талант поверили! Его выделили! Написать репортаж дня — это было большим достижением не то что для начинающего газетчика, но и для «акулы пера». Репортаж дня — это самое свежее, в представлении Севки, даже выдающееся событие. Как полёт Гагарина в космос! Понятно, конечно, из их городка никто в космос не полетел. Да и мало-мальски значимого подвига никто в последнее время не совершал и вряд ли совершит. Но всё-таки, может, что-то интересное и случилось... Что-то, о чём ещё не знают обыватели, а уже разнюхали газетчики. Ведь недаром же их называют «вездесущими»!

— В порт пришёл с промысла рыболовный траулер, — продолжал как ни в чём не бывало заместитель редактора, — мужики отлично потрудились, перевыполнили план. Встреться, поговори с ними, с капитаном. Его зовут Семён Порфирьевич. Передай от меня привет. В общем, действуй.

Севка рванул, что называется, с низкого старта, и только вдогонку услышал:

— Не забудь заказать пропуск в конторе, иначе в порт не пропустят.

Игра стоила свеч! Севка предвкушал, как будет писать о настоящих людях, о море, штормах, сложностях и опасностях, которые посто-

янно преследуют рыбаков. В голову уже лезли всевозможные слова, без которых морская романтика не может быть представлена на страницах местной газеты: путина, такелаж, абордаж, сейнер, траулер, невод, семь футов под килем и прочая лексика из морских романов Жюль Верна и Рафаэля Сабатини. То, что рыбаки не идут на абордаж, Севка понимал, но слово крутилось в голове, и он сожалел о том, что его вряд ли придётся куда-то вставить.

Новое задание с энтузиазмом воспринял и Егор. Он был рад за друга, к тому же считал, что талант журналиста в нём открыл именно он. Правда, эту свою убеждённость он ничем не доказывал. «Спорить и убеждать кого-то в чём-либо очевидном — дело пустое», — так считал Егор.

Железный конь Егора с пассажиром Севкой пылил по дорогам городка на сей раз не просто так, он мчался по редакционному заданию в рыбный порт, где его ждал, покачиваясь на волнах, средний рыболовный траулер «Пётр Тикиляйнен».

*В Кейптаунском порту
С пробоиной в борту
«Жанетта» поправляла такелаж.
Но прежде чем уйти
В далекие пути,
На берег был отпущен экипаж.*

Песенка крутилась у Севки в голове. Ему почему-то казалось, что она отлично подходит к данной ситуации... Но экипаж был на месте. На месте был и старший помощник капитана, угрюмый человек неопределённого возраста с лицом то ли обветренным всеми северными морскими ветрами, то ли просто покрасневшим от беспробудного пьянства. Не было только капитана, того самого Семёна Порфирьевича, которому надо было передать привет от легендарного замредактора: он «отбыл в дом междурейсового отдыха для встречи с женой» — так пояснил боцман, который и стал первым респондентом Севы. Старпом от беседы со «специальным корреспондентом» местной газеты отказался:

— Для этого у нас есть фюрер, — сказал он,

давая понять, насколько сложны межличностные отношения в командовании судна.

Боцман бойко рассказал о работе как о чём-то обыденном, назвал фамилии лучших членов экипажа, предупредив, однако, что их надо согласовать с капитаном, о котором заметил: «Он у нас старый морской волк». Очередное разочарование постигло Севку — в рассказе боцмана совсем не было романтики и героизма.

— А шторма были? — с надеждой спросил он, ставя ударение на последний слог, уверенный, что именно так должны говорить настоящие моряки.

— Так, поболтало маленько, — совсем остудил Севкин пыл боцман. На прощание он подарил новоиспечённому корреспонденту вялых морских окуней и ершей:

— Возьми к пивку...

Дальнейший путь лежал в Дом междурейсового отдыха. Старый морской волк расположился в комнате на третьем этаже. Жена хлопотала, накрывая стол, на котором уже стояла початая бутылка коньяка.

— Корреспондент? Новенький, что ли? — в словах капитана звучали недоверие и некая обида. Видать, он привык общаться с более солидными людьми, а тут прислали какого-то мальчишку: — А где Артём? Он меня в прошлый раз фотографировал.

После того как Сева передал «огромный привет» от самого легендарного замредактора, Семён Порфирьевич сделался благодушнее и охотно ответил на все незатейливые вопросы.

Материал о доблестном труде рыбаков превратился в репортаж дня только после жесткой беспощадной правки шефа.

Меж тем подходила пора отъезда. Егор получил вызов на экзамены в военное училище. Лизка уехала ещё раньше: в Москве у неё были какие-то родственники. «Надо привыкать к столичной жизни», — самонадеянно заявила она. Алису родители отправили на каникулы в Петрозаводск и дальше — в деревню. По вечерам во дворе собиралось все меньше и меньше народа. И наступил тот день, когда некому, да и не с кем стало играть в «картошку». Одноклассники и друзья разъехались.

А Севку ждал Ленинград. Раньше в городе на Неве он был лишь проездом с родителями. Решив учиться в ЛГУ, он не знал, что придётся ещё и научиться жить в огромном городе. Севка впервые столкнулся с этим шумом и суетой, огромным количеством незнакомых людей. Провинциальный домашний мальчик оказался в грязной общаге на Васильевском острове, населённой студентами и абитуриентами, которые отличались от него, наверное, только одним — способностью к быстрой адаптации к новым условиям. Вечно пьяный комендант в тельняшке напоминал ему старпома с «Петра Тикиляйнена», а многолюдная комната с ржавой кроватью с растянувшейся панцирной сеткой, тонким продавленным матрасом — турбазу, где они были с классом. Только тогда это было весёлое приключение, а теперь — жизнь, и Севке стало совсем не до веселья. В первый же вечер на него накатила жуткая тоска: чужой город и неустроенный, чуть ли не первобытный быт подавляли. Масла в огонь подлил сосед, который назвал общагу гадюшником, свинарником и заявил, что завтра же переезжает к родственникам. Он был ровесником Севки, родом из Подпорожья и единственным человеком на их потоке, с которым у Севки завязались приятельские отношения.

Ночь выдалась беспокойной: долго не могли заснуть. За окном играли в волейбол — белые ночи. По этой же причине соседи не ложились спать: кто-то читал, кто-то играл в карты. Из-за тонких стен доносились звуки ночной общажной жизни: нескончаемые разговоры, топот ног по лестнице, нетрезвая ругань коменданта...

Спустя некоторое время поезд увёз Севку в Карелию, но не в родной городок у Белого моря, а в Петрозаводск. Житейский водоворот закрутил так, что вчерашний школьник едва успевал опомниться от новостей, событий, приключений. Пытаясь совладать с мыслями, Севка вновь взялся их записывать. Он неоднократно предпринимал попытки вести дневник. Ведь всякий большой писатель, а именно

таким он представлял себя в будущем, ведёт записи. Необходимо отражать события своей жизни, для того чтобы впоследствии перенести это на бумагу и создать большой роман, который, несомненно, прославит его. Но раньше Севке всегда чего-то не хватало. Иногда — терпения, иногда думал, что дневник может кто-то прочесть, а порой ему было просто лень. Поэтому записи сначала носили эпизодический характер, а потом прекращались вовсе. А теперь, вдали от родного дома, строчки побуждали по тетрадным листам сами собой.

Дневник Севы

1 августа. События идут чередой, не успеваешь их осмысливать. Решил записывать в дневник. Не знаю, получится ли. Заставлять себя писать каждый день очень трудно, но попробую.

Ещё недавно был в Ленинграде, верил, что поступлю в ЛГУ на факультет журналистики. Хорошо прошёл творческий конкурс, это такое предварительное испытание перед основными экзаменами. Надо было в течение двух часов написать нечто приемлемое для газеты на одну из предложенных тем. Темы были банальные: «Расскажу о делегате XIX съезда ВЛКСМ», «Никто не забыт и ничто не забыто», «С чего начинается Родина?», «Твой любимый журналист». О делегате я рассказывать не хотел, так как знаю только одного — девчонку из нашей школы, она училась несколькими годами ранее меня. Но что о ней говорить? Так себе девчонка. Из журналистов знаю только Пескова, потому что регулярно читаю «Комсомольскую правду», да наших местных, которых любимыми не считаю. Про Родину — это, посчитал, чересчур личное. А вот «Никто не забыт и ничто не забыто» — тема на все случаи жизни. Писал о нашем местном герое Пашкове. Приврал, конечно, всего ведь не упомнишь. Но написал хорошо. Это не я себя хвалю, а так сказали в комиссии на собеседовании: «Написано живо. Избегает газетных штампов. Видна самостоятельность». А ещё спросили, не против ли родители моего поступления, какой журнал

я предпочитаю другим и почему и прочую ерунду, которую спрашивают на собеседованиях. Мне это напомнило «Ленинский зачёт». Тогда тоже, правда, мои товарищи, спрашивали, какие газеты читаю, что знаю о событиях в мире. Выходя из здания, заблудился в коридорах. Наткнувшись на дверь запасного выхода, прочитал табличку «Выход отнюдь не здесь». Мне это понравилось.

На собеседовании сказали, что конкурс в этом году небольшой: «Всего три человека на место. Проходной балл – 22». Занялся математикой: аттестат у меня – 4 балла, значит, надо получить две пятёрки и две четвёрки за экзамены. Это нереально. Мой английский может рассчитывать только на троечку, и то если комиссия проявит милосердие. Стал понимать, что поступить у меня один шанс из ста. Я не стал испытывать судьбу, не решилсяложиться на этот шанс. Забрал документы и уехал в Петрозаводск, на «запасной аэродром» – филологическое отделение историко-филологического факультета университета имени Кусусинена. В приёмной комиссии журфака меня отговаривали. И даже давили на самолюбие: «Так вы никогда не станете журналистом». Но я проявил твёрдость, а может, малодушие, и уехал.

Ночь провёл на вокзале. Единственный поезд, на который были билеты, – почтово-багажный – отходил утром. А затем тринадцать часов в вагоне – и я в Петрозаводске. 30 июля подал документы в комиссию ПГУ, взял экзаменационный лист. 2 августа первый экзамен – сочинение. Надо ещё позвонить домой.

Сегодня отличная погода. Да, написал ещё два письма: одно школьному товарищу в Сосновый Бор (он там служит), а другое Алисе в деревню, где она отдыхает.

2 августа. Встал в пять минут девятого. Забыл написать, что живу у тети, двоюродной сестры мамы, поэтому могу позволить такую роскошь, как подольше поспать. Позавтракал, получил последние наставления и отправился в универ. Без десяти девять сидел за столом в аудитории. За три минуты до начала зашла жен-

щина средних лет, поздоровалась. Мы неорганизованным хором приветствовали ее. Две девчонки, вероятно, как и я, вчерашние школьницы, встали. Но это было неуместно, и они сконфузились. Женщина достала из сумочки листочек с темами и сказала, что темы очень хорошие. Она взяла мел и стала писать на огромной чёрной доске:

1) «...В мой жестокий век восславил я свободу...» (А.С. Пушкин).

2) Превосходство пролетарской морали над индивидуалистической (по роману А. Фадеева «Разгром»).

3) Облик и дела моего поколения на страницах современной советской литературы.

Отложив мел, экзаменатор не сдержалась – воскликнула: «Какие темы! Прямо не знаешь, что выбирать. Одна другой лучше!»

«Ну, естественно, – подумал я, – что тут выбирать. Конечно же, Пушкин. Всё остальное – тёмный лес. Помню «Разгром» Фадеева, но эти разговоры о пролетарской морали, об истинном и ложном гуманизме вызывали на уроке отвращение. Не хочу об этом размышлять. Современное поколение – это интересно. Было что-то про Женю Столетова – «И это всё о нём». Да кино ещё показывали. Но одного Столетова маловато для сочинения. А Пушкин – наше всё. Буду писать про Пушкина».

Написал быстро. Вспомнились консультации по литературе и ответы на вопросы экзаменационных билетов, надиктованные мною на магнитофон. До окончания экзамена оставался час. Делать было нечего, стал искать ошибки в тексте. Как у меня водится, с подозрением смотрел на каждое слово. Наконец устал и начал валять дурака. Это быстро надоело, поэтому за двадцать минут до окончания сдал работу и ушёл.

Погулял по городу. Надо же знать город, где предстоит учиться. Зашёл в «Блинную». Заказал блины с вареньем и мороженое с шампанским. Мне хотелось отметить свой первый экзамен. Принесли мороженое в вазочке и шампанское в стакане. Хорошо, что не в гранёном.

Вечером у тётки играли в «дурака» и гадали на картах. Выпадало всё хорошее. Спать лёг поздно.

4 августа. Сочинение — три. Ещё вчера узнал и не очень расстроился. Мне говорили, что сдать экзамены на «хорошо» вчерашнему выпускнику школы очень трудно. Вот если бы годик поработать, а ещё лучше — послужить два годика в армии, то тогда все двери открыты. Молодому рабочему и бравому дембелю везде рады. Если не поступлю, то все эти «прелести» у меня впереди. Но я не отчаиваюсь. Не так страшна армия, как её малюют.

Около универа встретил Ленусю Пробкину с Сенькой Черновым. Сдают экзамены, и, по их словам, успешно. Я тоже сказал, что чуть было не поступил в ЛГУ, да в последний момент передумал и забрал документы практически за пять минут до зачисления. Приврал, конечно, но меня на самом деле уговаривали.

Вечером готовился ко второму экзамену. Повторил статьи Ленина о Толстом. Вот «матёрый человечество», везде сунулся. Однажды на уроке истории Мурик упомянул какую-то работу Ленина, где в названии значилось «Записки постороннего». Ленуся хмыкнула на весь класс: «Ни фиги себе посторонний! Везде залез». Мы все захохотали, а Мурик взбесился в очередной раз...

Пробежался по Грибоедову — «Горе от ума». Вспомнил пытку монологом Фамусова на уроке литературы, когда каждый должен был отбарабанить: «Петрушка, вечно ты с обновкой...» и так далее. Вывел для себя парадокс: больше люблю читать прозу, чем стихи, но писать люблю больше стихи, чем прозу. Наверное, я становлюсь философом.

Позже прогулялся до телеграфа, надо было позвонить домой, узнать последние новости. Сказали, что Егорка вернулся из своего военного училища, очевидно завалив экзамены. У него были проблемы с химией. Наверное, она его и подвела. Пролистав толстенный городской телефонный справочник, по номеру телефона нашел адрес Алисиной тётки, у которой та должна была отдыхать. Хотел заявиться с цветами, но вовремя позвонил. Оказывается, Алиса уехала в какую-то глухую приграничную деревню, куда без специального пропуска не попасть. Буду спокойно сдавать экзамены.

5 августа. С утра пораньше повторил материалы съездов партии. Вроде всё понятно, но в голове не задерживается. Почему?

В 407-й аудитории, дождавшись своей очереди, вытянул билет №14: 1) особенности сатиры в «Мёртвых душах» Н.В. Гоголя; 2) противоречия Нагульнова (по роману М.А. Шолохова «Поднятая целина»); 3) рассказать о местоимении. Плюс ко всему было ещё практическое задание по русскому языку.

В первые минуты я растерялся: метался от одного вопроса к другому, совершенно не знал, что делать. Потом успокоился и для начала выполнил практическое задание по русскому, на удивление, как потом оказалось, правильно. Хорошо помнил всех этих гоголевских плюшкиных, коробочек, собакевичей, маниловых, но что-то главное никак не мог вспомнить. Наконец меня осенило, что особенностью сатиры Гоголя является типизация. Ура! Зато с Макаром Нагульновым и его противоречиями была беда. На литературе так я не плавал давно, но с помощью комиссии выпутался и из этой ситуации. В итоге мне поставили «4». Я ещё подумал, что можно было бы и пять. «Самомнение имел самое наглое», — кажется, так у Чехова.

9 августа. Пошли хмурые дни с плохой погодой. А сегодня был экзамен по английскому языку. Вообще-то, я любил английский язык. В пятом классе, когда начинал его изучать. И даже учился на отлично. Но потом сменилась одна учительница, потом другая... Я просто перестал понимать, что они говорят, и мне стало скучно.

Вытянул билет. Там написано, естественно, по-английски: прочитайте и переведите текст. Даже при полном отсутствии способностей к языку слова «рид энд транслейт» настолько прочно за шесть лет вколотили в голову, что я сразу понял, что от меня хотят. С самим текстом было посложнее. С горем пополам я выяснил, что там было что-то про открытие Америки. Вот так, используя интуицию, знания из географии и выискивая знакомые слова, я из-

ложил свой перевод текста. Очень приблизительно к оригиналу. Как говорится, это был рассказ по мотивам. В соответствии со вторым вопросом я должен был рассказать о Советском Союзе. Ну, я и рассказал. Да так рассказал, что члены комиссии с очень осторожными намёками спросили, не в деревне ли учился, все ли годы преподавали английский? Я отважно сказал, что учился в городе и иностранный язык у нас преподавали постоянно, но только разные учителя. Комиссия долго совещалась на английском. А я ловил со всех сторон от таких же, как я, абитуриентов сочувственные взгляды. Потом один из членов комиссии стал задавать мне вопросы, опять же по-английски. Оригинальный товарищ. Он говорил с таким произношением, что я едва угадывал отдельные слова. Я ответил на некоторые его вопросы, вернее на те вопросы, которые формулировались в моём мозгу. Но это было уже не то. Я чувствовал, как моё будущее высшее образование всё более и более становится несбыточной мечтой. И вдруг — о чудо! За мой бред и лепет мне ставят три. Я ликовал весь день.

11 августа. Со дня на день в Петрозаводск должна приехать Алиса. Появилась привычка ходить на вокзал и встречать поезд.

Час пик. Автобусы переполнены. Я опаздываю. Втискиваюсь в автобус. Сзади кричат: «Продвиньтесь ещё. Неужели нельзя продвинуться?» Они думают, что раз все пассажиры ещё живы, то, значит, не все возможности автобуса исчерпаны. Я пытаюсь продвинуться. Не пускают, стоят насмерть. Лезу напролом. Странно, никто не орёт, как в былые времена, мол, куда прёшь. Пассажиры, демонстрируя поистине великие возможности человека в битком набитом автобусе, расступаются. Сзади подпирают, но я занимаю позицию возле мужика достаточно мощной комплекции. Двери закрылись. Автобус тронулся. Я устраиваюсь поудобнее, то есть наваливаюсь на «большеобъёмного» гражданина и ставлю ногу на чей-то ботинок. Еду. Остановка. Тут вокруг начинается такое энергичное движение,

как, наверно, во время землетрясения. Это сдвинулся с места мой сосед. Спрашивая у всех на своем пути: «Вы выходите?», он, как ледокол, раздвигал толпу и пробирался к выходу... Несколько остановок: люди заходили и выходили, но свободнее не становилось. Наконец я вылез на своей. Именно «вылез», по-другому это назвать было нельзя. При этом я испытал такое состояние, которое нигде в другом месте не испытываешь. Мне казалось, что с меня снимают пиджак. Причём тянут за весь пиджак сразу — со всех сторон. Не было, наверно, квадратного сантиметра материи, который бы не ощущал нагрузку большого и «дружного» автобусного коллектива.

Я летел от остановки к вокзалу по лужам, не глядя под ноги. Торопился — через пять минут поезд... Состав надвигался быстро. Я ждал. Мелькали окна вагонов, мелькали в них лица. Такие разные и все незнакомые. Опять незнакомые. Третий день незнакомые лица. Опять не приехала.

Уныло брёл по лужам. Пошёл дождь. Все вокруг спешили. Но я теперь не торопился. Зачем?

13 августа. Поистине, 13-е — несчастливое число. Историю сдал на тройку, а ведь билет попался лёгкий. В первом вопросе «Спад революции в 1906 — 1907 гг. Причины поражения и мировое значение первой русской революции» я что-то напутал о государственном перевороте 3 июня, растерялся и ляпнул не то. А в рассказе о борьбе СССР за мир и безопасность накануне Великой Отечественной войны забыл упомянуть о советско-финляндском конфликте и событиях на Дальнем Востоке. Пожилой джентльмен с усиками Адольфа Гитлера изрёк суховаго: «У вас поверхностные знания». И поставил три. Как ни странно, я был бодр. Пошёл в приёмную комиссию и сказал, показав свой экзаменационный лист: «Мне можно забирать документы?» «Не торопитесь, молодой человек, — был ответ. — Может быть, вы и поступите».

Чудес не бывает. Обнадёживающие слова члена приёмной комиссии не сбылись — Сева не поступил, но не особо расстраивался по этому поводу. Впереди до армии ещё целый год и ещё один шанс стать студентом, а не солдатом. По возвращении домой в Беломорск он решил серьёзно готовиться и первое время было взялся со всей ответственностью. Так с Севкой случалось часто. Он составлял распорядок дня со всяческими зарядками и обязательными занятиями, но никогда не придерживался их более трёх дней. На этот раз запал ушёл несколько позже. Уже через неделю Сева забросил учебник истории, наполовину испи-санную конспектами тетрадь, а обязательную литературу, которую он наметил прочитать, заменил чтением «для души». «Ещё успею. До конца лета надо отдохнуть, а вот осенью и зимой, когда делать будет нечего, стану заниматься», — пришло Севке решение, спасительное и всё оправдывающее.

Сразу по приезде из Петрозаводска он встретил Лизку, которая с треском провалилась в МГУ на самом первом экзамене и уже после успешно поступила в Петрозаводское медицинское училище. От психолога до медсестры — один шаг. И он был сделан. О своей будущей профессии Лизка рассказывала с присущим ей оптимизмом. По всему получалось, что дипломированную медицинскую сестру только и ждут на психологическом факультете МГУ. А учёба в медицинском училище — это просто замечательная вещь для девушки с амбициями, всевозможными талантами и огромным количеством энергии. Всю эту информацию Лизка выплеснула Севке во время поедания огромного арбуза. Арбуз — «привет из солнечного Баку!», подарок родственников, — они слопали с великим удовольствием. Ради него, считал Севка, можно потерпеть Лизкину трескотню. Хотя он, конечно же, врал сам себе. Ему нравилось общаться с Лизкой, потому что только ей и Егору он мог доверить свои самые сокровенные мысли.

В компании с Лизой и Егором Севка провёл остаток лета весело и непринуждённо: ходили

в кино, играли по вечерам в «картошку» или настольный теннис, а то и просто гуляли. С Алисой отношения так и не сложились. Договорились до того, что решили больше не встречаться. На что Егор глубокомысленно заметил: «Роман закончился, так и не успев начаться». Хотя сам пребывал в состоянии «свободного полета» — его безответная любовь окончательно дала от ворот поворот, объявив, что выходит замуж. Этот финт бывшей подружки Егорка пережил с философским спокойствием: «Что ж, будет больше времени для друзей». Лизка поддержала приятелей, сказав, что девчонки — дуры (при этом она, конечно же, не имела в виду себя), раз бросили таких парней. «Ничего, вы себе ещё получше найдёте, — успокоительным тоном заявила бывший комсорг. — Я-то знаю, как это бывает...» Но что и как бывает, рассказывать не стала. Друзья согласились, хотя каждый из них подумал, что лучше уже никого не встретить...

Северное лето переходило в осень грибной и ягодной порой. Ещё совсем мелкой дворовой шпаной друзья бегали купаться на речку, а в их заветном месте, недалеко от берега, росла самая ароматная ягода на свете — куманика. Её трудно было отрывать от веточки — растекалась сразу, поэтому ребята считали себя вправе съесть куманику на месте — прямо с кустика. Однажды с одним приятелем, Витьком по прозвищу Чика, они заспорили. Чика утверждал, что ягода называется земляника, а Сева настаивал на куманике. Дело дошло до ссоры. Но потом договорились называть спорную ягоду «кумазем» и помирились. А вообще-то, куманика, оказывается, называется «княженика» — царская княжеская ягода.

Грибы Севка любил собирать. Этому его научил отец. Они выходили из дома рано утром, часов в пять, и шли к берегу канала. Узкая полоса леса вдоль берега была щедра на подосиновики (их называли красноголовики), подберёзовики и белые. Надо было выходить рано, чтоб первыми пробежаться по грибным местам. Но даже если это и не получалось, то всё равно без грибов домой не приходили. «Каждый найдёт свой гриб», — говорил отец. А на рыбалке, когда рыба срывалась с крючка над

самой водой и было до слёз обидно, он успокаивал: «Значит, не твоя была. Свою ты ещё поймаешь». С такой верой в фатальную справедливость приятно было ходить за грибами и на рыбалку. Однажды они с отцом шли солнечным утром по «своим» местам. Солнце светило прямо в лицо, слепило глаза. Грибы как будто попрятались. С полупустыми корзинками повернули в обратный путь. И, когда солнышко перестало мешать их тихой охоте, на вырубке березняка, под поваленными стволами деревьев, они разглядели, как жались друг к другу своими шоколадными шляпками толстенькие боровички, красавцы — один к одному. Такая удача выпадает нечасто, и Севка запомнил этот случай на всю жизнь.

Летние каникулы кончались. Хотя к Севке и Егору слово «каникулы» теперь вроде бы не имело отношения. Лизка уехала на учёбу. Друзья проводили её на поезд. Всё было как в кино: конец лета, разъезжаются бывшие одноклассники, а у главных героев начинается трудовая жизнь.

Трудовая жизнь началась в электроцехе лесопильного комбината, куда Егора и Севку взяли учениками обмотчика. Профессия оказалась нескучной, а порой увлекательной. В цех привозили сгоревшие электродвигатели. Они могли быть совсем маленькими — поднимешь одной рукой, или огромными и тяжёлыми, и тогда без электроталая не обойтись. Обмотчики «прозванивали» его, находили обрыв и приступали к ремонту. Снималась часть обмотки, а порой и полностью устанавливали новую. Потом соединяли контакты по схеме «звезда» или «треугольник», пропитывали лаком, сушили, собирали и испытывали. Уже через неделю обучения Сева с Егором стали деловыми и чумазыми, как и положено представителям рабочего класса. Они то и дело небрежно перебрасывались новыми словами и фразами: «У тебя сколько микрон?» — «Ноль пять». — «Повезло. У меня — ноль один. И сокращение в двух катушках». — «А тут ещё и фланец разбит. Надо менять». — «Зато у меня соединение по «звезде» и перемотка в два слоя». Но вся эта напускная деловитость заканчивалась в моменты перекуров. Мужики дымили в курилке и травили

анекдоты. Сева с Егором не курили, но анекдоты любили. А иногда играли в «ляпу» кусками смазки, скатывая её, как снежки, или катались на электротале. За этим занятием их однажды и застал начальник цеха. Сева получил выговор в приказе, а Егор в это время стоял за дверью и под начальственные репрессии не попал. Он только посочувствовал другу в своей обычной философской манере: «Ну вот, первый выговор. Ты теперь настоящий рабочий человек». Правда, этого энтузиазма не разделил Севкин отец: «Я работаю с семнадцати лет и ничего кроме благодарностей не получал. А ты умудрился в первый же месяц отличиться. Позор». И Севке действительно стало стыдно. Он чувствовал себя нашкодившим пацаном. Больше таких выкрутасов он себе не позволял.

Новая жизнь рабочего человека не сделала его свободнее. Тяга к общественной активности затянула в комитет комсомола предприятия. Его даже избрали командиром ОКОД. ОКОД — это оперативный комсомольский отряд дружинников. Они патрулировали вечерние улицы, охраняли порядок на танцах и в ресторанах, разнимали драки, в общем, боролись с разными антиобщественными явлениями.

Но комсомольская работа на предприятии отнимала гораздо меньше времени, чем в школе, и времени свободного было вдоволь. Сева пошёл в народный театр и почти сразу получил главную роль Эпаминонда Максимовича Апломбова в пьесе Чехова «Свадьба». Коллектив подобрался творческий, весёлый, не чуждый пагубных привычек. Но Сева этим не злоупотреблял, и никто не настаивал, так как он был одним из самых младших в этой компании. По той же причине его привлекли к участию в спектакле «Белоснежка и семь гномов». Пошили бархатный камзол и такие же бархатные штаны, и он стал принцем. Роль невзрачная, незапоминающаяся. Сева ходил на деревянных ногах по сцене, разводя руками, и заунывно восклицал: «Белоснежка! Белоснежка-а-а!» С таким же успехом он мог кричать: «Золушка!» Но детворе спектакль понравился. А роль в чеховской «Свадьбе» сделала его знаменитостью. В рецензии на

спектакль, которую напечатали в местной газете, ему был уделен целый абзац. Говорилось о том, как он творчески подошёл к раскрытию образа, как, требуя у будущей тёщи два выигрышных билета, смешно подёргивал моноклем. Ей-богу, Сева и не думал подёргивать моноклем. Эта гениальная «находка» родилась в голове журналиста, а у Севы был, наверное, просто нервный тик. Но, тем не менее, успех был ошеломительный, что и подтвердили «большие» гастролы по маленьким селам и деревням района.

Егору было чуждо лицедейство, хотя когда-то он принял участие в Севиной затее и сыграл небольшую роль в школьном спектакле – то было классе в пятом. Объявили тогда смотр-конкурс школьных театральных коллективов. Каждый класс должен был что-то представить. Сева с энтузиазмом взялся за дело. Сперва надо было найти подходящую пьесу. Лучше что-то героическое. Не девчоночьи сопли типа «Ромео и Джульетты», а вещь стоящую, для настоящих мужчин. Перерыв всю районную библиотеку, Сева нашёл то, что искал. Книга сразу привлекла его шпагами, скрещёнными на обложке, и подзаголовком «героическая комедия». Это была пьеса Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак». Причём и имя автора, и название пьесы было напечатано одним шрифтом с завитушками, так что Сева решил, что автором является Эдмон Ростан Сирано де Бержерак, а пьеса называется «Героическая комедия». На смотре коллективов он так и объявил: «Мы представим вам отрывок из «Героической комедии» Эдмона Ростана Сирано де Бержерака». Не сильно искушённые в западной драматургии члены жюри не придали этому никакого значения. Сева лихо декламировал с напыщенным видом текст Сирано, а Егор был его оппонентом и подавал реплики за барона Кристиана де Невклета. И ещё несколько одноклассников, выряженных в плащи из бархатных клубных штормов и шляпы, стояли рядом, «бряцая» деревянными шпагами. Роль ботфуртов играли сапоги-болотники, а мотоциклетные краги заменяли перчатки. Веселуха получила ещё та, но в награду диплом «За театральное мастерство» украсил стену над пись-

менным столом Севы. С тех пор Егор «ушёл с большой сцены». Он поддерживал друга на репетициях, приходил на все спектакли, ездил с театральной компанией на гастролы и ходил с ними в походы. Принимал участие в мероприятиях, особенно в их неофициальной части. Получил то ли звание, то ли должность «друг театра», но выходить на сцену в каком-либо амплу отказывался наотрез.

Прошёл первый месяц уже не школьной осени. На День учителя приехали студенты. И бывшие одноклассники шумной весёлой компанией пришли в школу поздравить своих учителей. Карина Павловна, увидев их, расплакалась: «Без вас так плохо стало». Девчонки стали её утешать: «Не расстраивайтесь. Мы будем приходить. Мы будем писать». Карина Павловна промокнула носовым платочком глаза, улыбнулась своей немного печальной, чуть виноватой улыбкой и сказала: «Я буду ждать ваших писем».

10

Работа сменялась репетициями, а свободное время Севы с Егором стали посвящать общению. «Надо расширять круг общения, – наставлял друга Егор, – надо знакомиться с новыми людьми». Егор был в своём репертуаре, и, конечно же, «новыми людьми» у него были девушки. За летний период, пока Сева «заваливал» экзамены, Егор, не поступив в военное училище, тем не менее почувствовал себя гусаром и стал заводить всевозможные знакомства. К концу лета новые приятельницы разъехались кто куда, однако ж без женского внимания Егорка не остался. Молоденькие продавщицы, только выпустившиеся из техникума, попали в местный хозяйственный магазин и попутно угодили в искусно расставленные сети уже искушённого Егора. Он очаровал их речами, регулярным «дежурством» около прилавка, особенно в конце рабочего дня, ненавязчивым ухаживанием, слегка небрежным и в то же время достаточно трогательным. Крепость в лице очаровательной продавщицы Светы не требовала длительной осады.

– Завоеватели вошли в поверженный укреп-
район, – констатировал начало нового романа
Сева.

– Фу, как это пошло, – отозвался Егор.

– Не знаю, о чём ты подумал, но я иноска-
зательно. Ничего конкретного. Никакой фи-
зиологии.

– Тогда пойдём сегодня в гости.

Роман романом, но таскаться на другой ко-
нец города одному Егору, очевидно, не хоте-
лось. Да и в компании с другом всегда веселее.
Тем более никаких серьёзных планов Егор не
строил. Он ощущал себя таким баловнем
судьбы, игроком и охотником. Иногда позво-
ляя считать себя чьей-то игрушкой, но до оп-
ределённого момента, всегда контролировал
ситуацию.

– Пойми, Сева, им нельзя позволять много.
Со мной можно поиграть, но приручить меня
не удастся.

– Ты говоришь, как умудрённый Дон Жуан.

– А что? Помнишь, как мы с тобой писали сти-
хи? Страдали?... Или кто-то и сейчас страдает?

– Да нет, – поспешно ответил Сева, не желая
дальнейших расспросов.

– А теперь пришло время быть хозяином по-
ложения.

– Всё это до поры до времени. Втрескаешься
опять, тогда я посмотрю на тебя – хозяина по-
ложения.

– На этом этапе я влюбляться не намерен.

– Ты говоришь так, как будто это зависит от
тебя, – Сева начинал горячиться, когда Егор
проявлял не свойственный ему цинизм. И где
он только этого набрался?

– Надо контролировать свои эмоции, – как-
то заученно произнес Горка.

– Ну-ну. По-моему, мы ведём бесполезный
разговор.

В гости, впрочем, они ходили. Разговоры,
новые темы, иногда – вино, иная обстановка
– это было похоже уже на другую, взрослую
жизнь. Если бы такие посиделки стали регу-
лярными, то они бы очень быстро наскучили
Севе, а так, изредка сменить атмосферу, как
выражался Егор, заполнить свободное время
– это было не в тягость. Но всё равно в этой
взрослой жизни чего-то не хватало. Был театр,

был друг, была работа, но не хватало чего-то
яркого, феерического, необыкновенного. Не
хватало Алисы. Образовавшийся вакуум необ-
ходимо было заполнить до конца. И Сева с
радостью согласился участвовать в агитбрига-
де районного дома культуры.

Согласился – громко сказано. Согласия
никто и не спрашивал. Как-то на театральную
репетицию ворвалась, влетела, буквально
взорвав всё вокруг себя, Фима, работник дома
культуры, творческий и потому сумасшедший
человек без возраста, с абсолютно детским
восприятием жизни. Вообще-то, её звали Галя
Ефимова, но для всех и, что странно, для себя
самой она была Фима.

– Ребята, объявили республиканский кон-
курс агитбригад. Как вы знаете, наша агитбри-
гада «Омар» на прошлом конкурсе облажалась.
Будем теперь выступать мы, – Фима выпалила
всё это залпом, как состоявшийся факт, не
спрашивая ничего согласия.

«Омар» действительно, мягко говоря, прова-
лился, и не один. История была шумная. Ездил
по районам весёлый человек Чушкин и пред-
лагал бесценные услуги по подготовке агитбри-
гад: от сценария до конкурса. Что называется,
«под ключ». Услуги хоть и бесценные, денег
Чушкин получил много. Бомба взорвалась на
республиканском конкурсе, когда на сцену
стали выходить один за другим коллективы и
говорить и изображать одно и то же, вставляя
разные фамилии и факты местной жизни.
Конкурс закрыли. Закрыли и все агитбригады.
Чушкин был объявлен «персоной нон-грата».
Хотя, впрочем, его пытались найти, но безуспешно.
«Омар» приказал долго жить.

Идея молодёжной агитбригады настолько
заразила Фиму, что, считая это делом решён-
ным, она назначила Севе и Егору репетицию
уже на следующий день. И они, как вырази-
лась Фима, в компании себе подобных начали
готовиться к смотру. Сценарий писался на хо-
ду под общий хохот. Были уже пошиты костю-
мы, но всё ещё не было музыкального сопро-
вождения. Баянисты в «местной культуре» бы-
ли, и неплохие. Но не было в них куража. Фи-
ме нужен был баянист «с чудинкой». И такой
баянист «с чудинкой» появился в РДК внезап-

но и неизвестно откуда. Ребята сразу окрестили его дядей Вовой.

Дядя Вова — личность незаурядная, даже легендарная. Музыкант и композитор, родился в старинном поморском селе. Потом успешно творил где-то в средней полосе России. Как он говорил: «Одна песня даже звучала по центральному радио как победитель конкурса, — и многозначительно добавлял, — всесоюзного». Но вот потянуло его внезапно на родину. Так внезапно, что бросил он там же, «где-то в средней России», квартиру, вещи и жену и со всех ног помчался на родину. Как оказалось, жена и была причиной внезапной ностальгии дяди Вовы. Она приехала следом за сбежавшим «гением» и тут же поставила ему фингал. Дядя Вова немного попечалился, что проявлялось в утреннем похмельном синдроме, и успокоился. Он с удовольствием влился в молодёжный творческий коллектив, пытаясь весело импровизировать на баяне, правда, не всегда понимая, что от него хотят.

Традиционное начало творческого утра творческого человека происходило так. Дядя Вова заявлялся позже, чем это требовалось Трудовым кодексом (какие это мелочи для творческой личности и почти гения), и с ходу объявлял:

— Приветствую всех. Ох, не подходите так близко, я брился и так наодеколонился...

Смесь «Тройного» одеколona и зубного эликсира говорила о бурно проведённом вечере.

— Я написал новую песню.

Значит, не просто так «наодеколонился», а повод всё-таки был. Дядя Вова одновременно с агитбригадой, как это и положено, начал руководить хором «голосистых женщин» и постоянно подбрасывал в их репертуар свои творения. Причём к этой работе он относился с огромной ответственностью. Тексты песен пестрели его заметками и пометками: первые две строки запевают двое, затем вступает хор, далее — соло и т.д. Порой полёт его творческой мысли приводил к совершенно безумным комбинациям, но дядя Вова был человеком, по его же определению, «не без искры», и посему смущения от столь смелых нововведений в хоровую культуру у него не наступало.

«Человек не без искры» — прозвище, закрепившееся за дядей Вовой после одного случая. Сева с Егором, задержавшись как-то в доме культуры, попали в «алкогольные сети», неожиданно расставленные дядей Вовой. «Неожиданно», потому что дядя Вова предпочитал «одиночное плавание» по этому океану. А тут то ли разбогател внезапно (что, в принципе, исключено), то ли творческий кризис подкрался незаметно (что очень может быть), то ли сложилась новая «почти гениальная» песня, обещающая стать хитом нынешнего сезона. Дядя Вова широким жестом пригласил своих юных друзей разделить трапезу «скромного композитора». Друзья не стали отказывать музыкальному ветерану, и уже через некоторое время слегка захмелевший Сева читал дяде Вова по просьбе Егора своё стихотворение «Солярис».

*Забыв про земные творенья,
мы смотрим на сонмы планет.
И к нам вдруг приходит прозреньё:
а жили мы раньше иль нет...*

Стихотворение, написанное после просмотра одноименного фильма Тарковского под явным влиянием Евтушенко:

*Когда мы, толкая друг друга,
спешили навстречу делам.
А может быть, вся эта скука
однажды привиделась нам.*

Сева, побывав недавно в течение одного месяца и в Ленинграде, и в Петрозаводске, был убеждён, что уже обзавёлся необходимым жизненным опытом, чтобы размышлять и судить о месте человека в этом бушующем мире, в этой суете больших городов. Он был умудрён и утомлён быстротекущим временем и ощущал себя если не «рупором эпохи», то во всяком случае «одиноко философствующим гением».

*Весь бред наших бурных смятений,
весь свет магазинных реклам —
всё было лишь множеством теней,
лишь предисловием к нам...*

Но место «одинокое философствующего гения» не всегда устраивало Севу, он пытался «бунтовать», и его, как выразился Егор, «гражданский протест» вылился в следующее:

*Бездарность цвела в огороде
людских и забот, и молитв,
и в этой бесцветной природе,
в тоске сероватых палитр
не жаждала яростных битв.*

Но без самоуничижительной критики, как казалось Севе, невозможна жизненная правда:

*А праздность была в нашей плоти.
Беспечно мы верили ей.
И только в последнем полёте
мы видим планету людей.*

И в финале после декаданса наступает катарсис. О катарсисе Сева прочитал в какой-то умной книжке про древнегреческий театр. Идея «очищения через сострадание» ему очень понравилась. И в его понимании это выглядело так:

*И то, что скрывалось пологом
слепой, непрогляднейшей тьмы,
не стало бы нам эпилогом,
а первую часть судьбы.*

— Сева, ты человек талантливый, — сказал со слезой на глазах пьяненький дядя Вова (он на правах хозяина бутылки прикладывался к ней чаще остальных) и тут же добавил свою историческую фразу:

— Но я тоже не без искры!

Друзья, вкусив дяди Вовино угощение, тут же согласились с этим утверждением. Меж тем дядя Вова продолжал:

— Тебе надо в Литературный институт. Я одного парня устроил. Да. Не веришь?

Честно говоря, верилось с трудом. Но, услышав про Литературный институт имени Горького — предел несбыточных мечтаний, Сева, что называется, «наострил уши».

— Пришёл к Твардовскому и говорю: «Алек-

сандр Трифонович (это «Александр Трифонович» дядя Вова произнёс с таким надрывом, как будто декламировал стихотворение «Разговор с товарищем Лениным»), надо послушать парня».

Дядя Вова сделал паузу, опрокинул очередную стопку и закончил с победным видом:

— Послушали и взяли. Да.

Дядя Вова на глазах друзей «бронзовел» и превращался в монументальную фигуру. Ещё бы, с самим Твардовским на дружеской ноге! Выпив очередную рюмку, дядя Вова предложил написать совместно песню и подарил с барского плеча две первых строчки для припева: «Чайка, чайка, подсажи, как долга разлука, месяц, день, а может, два будет длиться мука...» Временное несоответствие разлуки в два дня и даже в один его несколько не смущало. А песня в конце концов появилась, и методист дома культуры Света Волкова пела её на всех концертах и поездках по району. Но самое интересное в этой истории было то, что, когда через некоторое время Сева напомнил уже трезвому дяде Вове о Твардовском, мол, а были ли вы знакомы, дядя Вова сказал: «Что ты, я же приехал в Москву в 73-м, а Твардовский умер в 71-м». Так что гипотетически, если бы дядя Вова оказался в Москве года на два раньше, то вся история про Литературный институт могла бы оказаться правдой. А так он и остался человеком «не без искры».

Новая молодёжная агитбригада «Автоклуб» прогремела по району и заняла второе место на республиканском смотре агитбригад. И то только потому, что первое «надо» было дать заслуженному многолетнему коллективу врачей из соседнего района.

— Вы ещё только три месяца занимаетесь, а уже такой успех, — говорили организаторы конкурса Фиме, — а они уже пять лет, и все первые места. Надо понять.

— А ну вас! — сказала Фима, она была довольна своим новым коллективом, в успехе которого несколько не сомневалась. — Все равно все видят, что мы лучшие.

Армия настигла Севу в самый неподходящий момент: народный театр активно гастролировал по району и все выходные были заняты спектаклями в маленьких сельских клубах. Это была не повестка на срочную службу, а ее предвестник — отправка в Петро-заводск в радиотехническую школу ДОСААФ. Севке предстояло стать радиотелеграфистом. Причём не простым радистом — «приём-передача», а суперсекретным «радиотелеграфистом радиоразведки и пеленгования автоматических радиопередач». Два месяца учёбы и почти гарантированное место службы в Ленинграде — это было заманчиво. Тем более компания подобралась неплохая. С ним на учёбу ехали Мишка Уткин, друг детства и его напарник по охоте на чёрта в колодце бабы Паши, Мишкин одноклассник Сергей Тапкин, очень упитанный и воспитанный товарищ. Здесь же, в военкомате, перед отправкой, познакомился Сева с Саней Сазоновым. Саня учился в другой школе, да и жил в другой части города. Хоть городок у Белого моря был небольшой, но имел три школы, и, возможно, по этой причине ребята никогда ранее не встречались. Были ещё два парня из района: Коля Семёнов, разгильдяй и обалдуй, а значит, нормальный пацан, и Ваня Картонов, создававший вид интеллигентного и воспитанного мальчика. Ваня не курил, не пил водку, не ругался матом, ходил в тщательно выглаженной рубашке и отпаренных брючках. «Таких просто не бывает, — решили остальные члены «радиотехнической» команды, — прикидывается или не наш человек». К Ване стали относиться с предубеждением и не посвящать его в свои не всегда благопристойные планы.

А жизнь курсантская кипела. «Отцы-командиры» в лице начальника радиошколы Кошевого всё планировали за них: и суровые учебные будни, и увлекательный «политически грамотный» досуг. Сева был назначен комсоргом группы. Возражения не принимались. Кошевой сказал: «Будешь комиссаром. Составляй план работы: политинформации, беседы и прочее». Что такое «прочее», пояснено не бы-

ло. Поэтому новоиспеченные курсанты сами определили для себя сферу приложения молодых и здоровых во всех отношениях сил — наполнили свободное от учёбы время отнюдь не высокоморальными мероприятиями, как то: посещения ресторанов, знакомства с девушками, выходы на «зеленые конференции» — так сказать, дружеские посиделки на свежем воздухе под бутылочку. Всё это скрашивало ожидание грядущей службы в рядах Вооружённых сил, нивелировало нравоучения Кошевого и его же угрозы: «Будете прогуливать или плохо заниматься — пойдёте служить в Афганистан».

Поначалу в максималистском юношеском сознании Афганистан был живым воплощением усвоенной в школе аксиомы — «в жизни всегда есть место подвигу». Воспитанные на киношной войне, рассказах ветеранов, играх в «красных и белых», в «наших и немцев», на том, что страна наша самая справедливая, что мы всегда заступаемся за слабых и угнетённых, ребята считали участие в этой войне долгом. Но с тех пор как в их маленький приморский город пришёл первый «груз 200», афганская война стала для них страшной реальностью. Траурные мероприятия, установка мемориальной доски, переименование улицы — всё это — в благополучном мирном городе, отголоски далёкой чужой войны. Тогда появился не страх, но ощущение всей серьёзности и опасности происходящего там, далеко.

«Вы будете служить в том хозяйстве, в которое мы вас готовим», — не устал повторять Кошевой. Готовили и вправду серьёзно. Устройство радиоприёмников, карта мира, коды, приём на слух — всё это утомляло отвыкших от школьных занятий будущих «секретных» солдат. Помогала витающая где-то в сознании предстоящая романтика армейских будней. Почему-то казалось, что их солдатская судьба будет не похожа на рассказы знакомых, вернувшихся из армии. Запоминая столицы Мали, Свазиленда и совсем уж экзотического Берега Слоновой Кости, Сева представлял себя не просто радиотелеграфистом, добывающим важные для страны сведения, а почти что Штирлицем, от действий которого зависит

судьба мира и начало третьей мировой войны. Но поскольку будущие солдаты — это пока ещё люди гражданские, то свободное время проводилось в соответствии с «пожеланиями трудящихся». Сева с Саней, Коляном и иногда с Михой зависали в ресторанных барах, а по возвращении выслушивали нудные нравоучения Сергея Тапкина о вреде пьянства и неразумном расходовании денежных средств, которые можно было бы употребить на более приятные и, главное, вкусные вещи. Главный тезис Тапкина «выпивать нужно по поводу, когда есть причина» сыграл с ним самим злую шутку.

Как-то в пятницу, когда занятия заканчивались, а денег не было и предстоящие выходные вырисовывались весьма неопределённо, Колян прознал, что у Тапкина через неделю день рождения, и буквально вынудил его устроить праздник прямо сегодня. Какие такие доводы он приводил, неизвестно, но то, что прижимистый Тапкин полез в кошелёк, было весьма неожиданным результатом Колиного словоблудия. Последняя попытка как-то минимизировать финансовые потери со стороны Тапкина («В общежитиях ребята в таких случаях скидываются») встретила решительный отпор со стороны всех участников будущего праздника: «Да ты для своих друзей в свой же день рождения пожалел...»

Ваня Картонов, отпарив брючки, ушёл «к пацану»: у него в Петрозаводске жил какой-то друг. Оставшаяся компания накрыла незатейливый стол и принялась праздновать день рождения. Об имениннике забыли после первого же тоста. Попытка Тапкина напомнить о себе встретила очередной отпор Коляна: «Да у тебя день рождения только через неделю». Далее был ресторан, вернее бар ресторана с самыми дешёвыми коктейлями, с абсолютно пьяным Коляном, который заявился в ресторан в домашних тапках, встреча Коляна с какой-то девицей, называвшей его почему-то Владисом, и бегство оттуда через запасный выход ввиду полного отсутствия денег. Оказалось, накануне пьяный Коля познакомился с девушкой — она так и сказала: «Ты был такой пьяный хлам» — и представился Владисом из

Прибалтики. Затем Сева с Саней оказались в другом ресторане, где «солировал» уже Сева: он читал свой «Солярис», а случайный сосед по столику, поразительно похожий на артиста Александра Калягина, восхищался стихами и угощал своих новых друзей вином.

Но как бы ни пьянила свобода, вырвавшиеся на волю ребята не забывали и то, для чего прибыли в Петрозаводск. В учёбе почти у всех были явные успехи. «Почти», потому что находящийся в состоянии постоянного похмелья Колян вовсе перестал ходить на занятия. Своё нежелание он объяснял достаточно просто: «Не пойду, Кошевой опять будет Афганистаном пугать». В конце концов, Коляна отчислили, а вся остальная команда успешно окончила радиошколу, проявив при этом «старание, усердие и большие способности», что и было отмечено Кошевым на подведении итогов. На экзамены приехал пожилой подполковник из того самого «хозяйства», где и суждено, по словам Кошевого, служить ребятам. Военный остался доволен: «Достойная смена».

«Секретные радисты» вернулись домой, в Беломорск. И последующие месяцы прошли легко и весело: у Севы появился новый друг Саня, с которым они достаточно часто стали видеться; Егор совершал «очередной поход за славой» — уехал сдавать вступительные экзамены; Сева продолжал работать в электроцехе и заниматься в народном театре. Он опять подал документы на филфак в университет и сдал экзамены с такими же оценками, но с другим результатом. В каждой экзаменационной комиссии молодому рабочему (почти год трудового стажа!) утешительно говорили: «Ну, это вы будете доучивать у нас». И как велико было изумление членов приёмной комиссии, когда заявившийся туда Сева попросил «перекинуть» его документы на заочное отделение. «Вы уже почти зачислены», — убеждали Севу неискушённые в «романтике» грядущей армейской службы члены комиссии. Но Сева упёрся. Выбор для него был очевиден: или идти в армию сейчас «со своими» в «то хозяйство», или через год после первого курса неизвестно куда, «хрен» знает с кем.

Повестки в армию пришли Севе и Сане одновременно. «Значит, служить будем вместе», — решили приятели. Единственное, что расстраивало: не погулять друг у друга на отвальных.

К отвальной готовились как к свадьбе. Пришедший на обед отец деловито осведомился, сколько купили водки. Услышав ответ, решил, что мало, и пошёл в магазин. По пути он купил блок сигарет «Золотое руно».

— Ребята ведь курят, наверное? — пояснил он свой поступок, полагая, что дорогое «Золотое руно» должно устроить всех. Но поскольку сам он курил «раз в год», да и то на рыбалке, ему было невдомёк, что самыми классными считались сигареты «Космос» и «Ту-134».

Отвальная шумела до поздней ночи. Театралы показали настоящий капустник, вызвавший бурю восторга у присутствующих родственников. Трогательные речи учительниц Карины Павловны и Селены Михайловны с пожеланиями исполнения всего задуманного сменялись песнями под гитару Севиных приятелей:

*Яблоки зелёные с ветки рвёт украдкой,
А слова влюблённые произносит сладкие...*

Было весело, шумно, трогательно и... туманно в конце. Сева помнил, как он вышел провожать Карину Павловну и Селену Михайловну до самой улицы в одних носках и...

— Сева, вставай, — мама разбудила его ни свет ни заря.

Сева удивился, почему он спит в большой комнате на диване.

— Сева, вставай, пора.

— Куда пора? Рано же ещё.

— Пора в армию...

Сева оглянулся вокруг. Следы вчерашнего пиршества были убраны, но что-то неувлимо напоминало, что жизнь его переходит в другую фазу. На стуле лежала приготовленная «походная» одежда, на столе — завтрак.

— Пора в армию, — повторила мама.

Тоскливое чувство расставания, нахлынувшее в одночасье, Сева тут же попытался прогнать: «Всего лишь два года. Да ещё с друзьями. И всё впереди!»

Всё действительно было ещё впереди...

Сергей Валентинович ЩУКОВСКИЙ

родился в 1965 году в Беломорске.

Окончил филологический факультет

Петрозаводского госуниверситета.

Пишет стихи, прозу.

Как автор статей об образовании публиковался

в республиканских и российских изданиях.

В настоящее время —

директор Беломорского центра дополнительного образования.

В журнале «Север» публикуется впервые.

